

М. П. АЛЕКСЕЕВ

ПЕРВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД «РЕВИЗОРА»

1

Произведения Гоголя в переводах на немецкий язык стали появляться с 40-х годов XIX в., сначала в периодических изданиях и сборниках, а затем и отдельными книгами; однако уже и до этого времени в немецкой печати Гоголю посвящено было несколько статей и заметок. Одним из первых немецких литераторов, сообщивших читателям более или менее подробные данные о Гоголе, был Генрих Кёниг. В своих «Русских литературных очерках» — книге, получившей широкую известность в Западной Европе, вскоре же переведенной на чешский, французский, голландский и др. языки и вызвавшей также долгую полемику в России, Кёниг посвятил Гоголю несколько весьма сочувственных страниц. Воспользовавшись сведениями, сообщенными ему русскими его собеседниками (главным образом Н. А. Мельгуновым), Кёниг дал довольно полную для того времени характеристику творчества Гоголя, отозвавшись о нем, как о писателе, относящемся к разряду тех художников слова, которые не в одной лишь России, но и повсюду могут быть отнесены к «редкостно-самобытным и так сказать к свежее-возделанным талантам».¹ Остановившись преимущественно на повестях из «Миргорода», Кёниг отметил также «необыкновенные способности Гоголя к комедии» и сообщил некоторые, впрочем еще очень краткие, сведения о его драматургической деятельности: «Две из трех написанных им комедий [«Женитьба», «Игроки»] известны только его друзьям, третья же [«Ревизор»] была играна в прошлом году в Петербурге и Москве и потрясла театр, как извещали нас, громким смехом зрителей». «Гоголь обладает большим талантом не только читать, но и разыгрывать свои произведения», — прибавлял Кёниг.²

¹ Н. Koenig. Literarische Bilder aus Russland. Stuttgart und Tübingen, 1837, стр. 211.

² Н. Koenig, ук. соч., стр. 220. Ср. русский перевод Н. П. [Н. И. Попова]: Г. Кениг. Очерки русской литературы, СПб., 1862, стр. 156, 165

Это было, повидимому, наиболее раннее известие в немецкой литературе о «Ревизоре» (еще без указания его заглавия); близкое по времени к появлению комедии на русских сценах. Напомним, что первое представление «Ревизора» в Александринском театре в Петербурге состоялось 19 апреля 1836 г. (тем же числом датируется и выход в свет первого издания пьесы), а через месяц (25 мая 1836 г.) осуществилась и первая постановка комедии в Москве на сцене Малого театра, с М. С. Щепкиным в роли городничего.¹ Тем не менее, драматические произведения Гоголя, во главе с «Ревизором», на немецкий язык переведены были еще не скоро, почти два десятилетия спустя, значительно позже, чем все остальные его произведения. Сначала на немецкий язык переводились повести Гоголя из «Вечеров» и особенно из «Миргорода», более доступные как для переводчиков (на первых порах таксыми являлись то владевшие немецким языком западные славяне, то немцы — выходцы из России), так и для иноземных читателей и ценителей Гоголя; во всех европейских литературах, в том числе и в немецкой, пьесы Гоголя — и прежде всего «Ревизор» — привились поздно, как представлявшие особые трудности для понимания, перевода и сценического воспроизведения на любом языке.

С начала 40-х годов повести Гоголя в немецких переводах довольно быстро следовали одна за другой в различных журналах и сборниках. Еще в марте 1839 г. упомянутый Н. А. Мельгунов писал С. П. Шевыреву: «Скажи Гоголю, что его „Миргород“ переводится в Берлине под надзором Фарнгагена. Я этому очень рад».² В том же 1839 г., в Ганау

¹ Н. В. Гоголь, Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. IV (1951), стр. 532.

² «Литературное наследство», т. 58 (1952), стр. 598. — С. П. Шевыреву Мельгунов писал около того же времени (28 февраля 1839 г.): «На днях получил письмо от Фарнгагена... Он вздумал перевести несколько повестей Одоевского и моих; „Миргород“ Гоголя переводится другим, знающим по-русски; вообще, любопытство и внимание немцев к нашей словесности возмуждено очень сильно» («Русская старина», 1898, № 11, стр. 329).

В «Дневниках» Фарнгагена конца 30-х — нач. 40-х годов, — по крайней мере, в их изданной части, — никаких данных об этих ранних немецких переводах из Гоголя, делавшихся при его участии, не содержится. Однако в 1841 г. в статье «Новейшая русская литература» Фарнгаген напечатал о Гоголе следующие строки: «Если Гоголь, писатель гениальный, глубоко своеобразный, основывающийся на природе и истории узкого отечественного круга, не обязанный никакому образцу, не затемняемый никаким подражателем, молчит в течение многих лет, то все же он еще живет, и произведения его, зреющие под итальянским небом, не пропадут для его родины. Простота и верность письма Гоголя заклю-

Н. А. Мельгунов вместе с Кёнигом перевел на немецкий язык «Записки сумасшедшего», и этот перевод был напечатан в газете «Morgenblatt» от 27 ноября.¹ Два года спустя тот же Мельгунов признавался Н. М. Языкову, что «Гараса Бульбу» он «сбирался перевести с Кёнигом, да меня уведомил Фарнгаген из Берлина, что эта повесть, как и весь „Миргород“, там переводится. . .»²

Судьба этого перевода остается неизвестной. Вскоре, однако, появились другие переводы; «Отечественные записки» обратили на это внимание в 1841 г. в корреспонденции из Берлина М. Каткова, тогда еще молодого человека, близкого к кружку Белинского. В пражском немецком журнале Рудольфа Глазера «Ost und West», специально посвященном посредничеству между славянскими и немецкой литературами, напечатаны были переводы «Майской ночи»,³ а затем и «Гараса Бульбы»: «Перевод хорош, если взять в соображение всю трудность перевести это чудное произведение», — сообщал Катков в «Отечественные записки» о последнем из этих переводов; «местами выдержан и гоголевский юмор, но колорит целого, разумеется, свеян большею частью». «Гораздо более удачно переведены „Старосветские помещики“ Волковым (Wolkof — немец, несмотря на русскую фамилию) и напечатаны в одном из берлинских журналов, которого имя не могу вспомнить и

чают в себе замечательную привлекательность, которую мы едва ли можем правильно выразить: в нем есть и героическая и идиллическая жизнь, дикая природная сила, изящество, полное вкуса, в сюжетах и изображениях; часто встречается нас здесь широкий и мягкий юмор» (Varnhagen von Ense. Neueste russische Literatur, «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», hrsg. A. Erman, Berlin, 1841 т. I, стр. 233—234). В следующем году в обзорной статье о русской литературе в том же журнале о Гоголе отзывались столь же сочувственно; здесь уже перечислен ряд его произведений, в том числе и «Ревизор» и только что появившиеся «Мертвые души». «Ревизор» назван комедией, которая «по своей комической силе и горькой сатире близка к знаменитой комедии „Горе от ума“, хотя тенденции и манера изображения обая писателей весьма различны» (там же, т. II, 1842, стр. 802—803).

¹ «Русская старина», 1898, № 12, стр. 553.

² «Литературное наследство», т. 58 (1952), стр. 598. — Отметим попутно, что Н. А. Мельгунов был лично знаком с Гоголем и встречался с ним за границей; об одной из таких встреч во Франкфурте Гоголь писал Н. М. Языкову 14 июля 1844 г. (АН, XII, 331; ср. еще «Русская старина», 1898, № 12, стр. 567).

³ Перевод этот принадлежал перу лужианина Яна-Петра Йордана, изучившего русский язык в Праге в 30-х годах. В 40-годах Йордан издавал в Лейпциге собственный журнал: «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft» (1843—1848), где нередко встречается имя Гоголя.

эту минуту», — говорилось в той же корреспонденции.¹ Вслед затем в немецких переводах, еще при жизни Гоголя, появились и многие другие его повести: из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и петербургского цикла, вплоть до «Портрета», «Записок сумасшедшего» и «Шинели»; переводчиками были Генрих Боде (переводивший Гоголя в 1846 г. с французского!), Роберт Липперт, Август Левальд и др.² В 1844 г. Филипп Лебенштейн попытался первый раз передать на немецком языке «Мертвые души», а через два года (1846) этот перевод был издан отдельной книгой в Лейпциге. Именно об этом переводе Н. М. Языков сообщил и Гоголю в январе того же года, и Гоголь писал ему в ответ: «Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю просто ни то ни сѣ...» (АН, XIII, 30). Предчувствие не обмануло Гоголя. Перевод «Мертвых душ», выполненный Ф. Лебенштейном, был более, чем посредственным и, как замечал впоследствии М. Л. Михайлов, «не имел успеха, потому что переводчик ограничился одною буквальною передачею подлинника, не соображаясь с требованием немецкого языка».³ Не многим лучше, впрочем, были и другие ранние переводы произведений Гоголя, вышедшие при жизни автора; наряду с буквальностью передачи текста они допускали также то грубые искажения, то произвольные изменения и перделки, свидетельствовавшие о непонимании смысла, духа и стиля переводимых произведений, а зачастую и просто слов русского языка. Но и в самом деле, стоявшая перед переводчиком задача была исключительно трудной. Белинский в те годы сомневался еще, можно ли вообще передать произведения Гоголя на каком-либо иностранном языке. «Скажите нам, — спрашивал он в 1842 г., —

¹ М. Катков. Германская литература (с датой: Берлин, 14 февраля 1840 г.). «Отечественные записки» 1841, т. XV, отд. VI, стр. 17. — Понятию имеет в виду перевод, появившийся в «Blätter für Kunde der Literatur des Auslandes», 1840, № 127 под заглавием: «Das Ehepaar aus den alten Zeit auf dem Lande». В следующем году «Старо-светские помещики» появились в новом немецком переводе и под другим заглавием: «Die Gutsbesitzer von altem Schrot und Korn» (в изд.: Europa. Chronik der gebildeten Welt, hrsg. von A. Lewald, 1841, Bd. II). Следующий перевод этой повести, Р. Липперта «Kleinrussische Landsleute» появился десять лет спустя (в его кн. «Aus Russischen Leben und Dichten», Leipz. 1851, стр. 313—316).

² Э. Лямбек. Гоголь у немцев. Литературный вестник, 1902, т. III, кн. II, стр. 373—382; Л. К. Мазинг. Переводы сочинений Гоголя. Ученые записки Юрьевского университета 1904, № 5, стр. 143—146

³ М. Л. Михайлов. О некоторых переводах с русского языка на немецкий. «Отечественные записки», 1854, т. XIII, март, отд. V, стр. 13; Н. С. Тихоново. Сочинения, т. III, ч. 2, М., 1898, стр. 215—216.

что бы случилось с любым созданием Гоголя, если б оно было переведено на французский, немецкий или английский язык?» и отвечал: «Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства, но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано...»¹ Это убеждение Белинский несколько ограничил только с тех пор, как в 1845 г. в Париже издан был томик повестей Гоголя «во французском переводе Луи Виардо», выполненном, как известно, И. С. Тургеневым; успех этого перевода, о котором и сам Белинский отзывался с похвалой, был явным и заметным; теперь Белинский считал иноязычные переводы произведений Гоголя делом трудным, ответственным, но не совсем неосуществимым.²

Речь шла, однако, о переводах повестей Гоголя; первые неудачные опыты передачи на западноевропейских языках «Мертвых душ» могли бы вновь с еще большей силой обновить опасения Белинского относительно «непереводимости» важнейших и лучших созданий Гоголя. Таково было, впрочем, убеждение большинства его современников, всецело относившееся также ко всем его драматическим произведениям: доступны были переводу, казалось им, преимущественно описательные части гоголевского текста; непреодолимые трудности представляли, однако, речи действующих лиц, со всей многоцветностью их диалектальной окраски и, в особенности, со всем богатством их экспрессивных оттенков. В этом смысле убеждение относительно «непереводимости» «Ревизора» или «Женитьбы» довольно прочно держалось в русской критике вплоть до конца XIX века.

«Ревизор» в переводах на западноевропейские языки появился и после смерти Белинского и после смерти Гоголя, сначала во Франции, а затем и в Германии. М. Л. Михайлов в цитированной выше статье 1854 г., дававшей, кстати сказать, первую на русском языке библиографическую сводку данных об иноязычных переводах сочинений Гоголя, замечал между прочим: «Большая часть произведений Гоголя уже переведена на немецкий язык; но „Ревизор“, существующий в плохой французской переделке, еще неизвестен в Германии».³ Именно в это время задачу приобщения «Ревизора» к немецкой литературе взял на себя молодой литератор, прекрасно владевший как русским, так и немецким языками.

¹ В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма. М., 1949, стр. 183—184.

² Там же, стр. 301—303.

³ М. Л. Михайлов, ук. соч., стр. 13.

Первый немецкий перевод «Ревизора» вышел в свет в Берлине в 1854 г., но задуман был еще вскоре после смерти Гоголя в 1852 г. и осуществлялся медленно и со многими трудностями. Он принадлежал перу А. Видерта, которого М. Л. Михайлов и другие его современники с полным основанием считали одним из лучших немецких переводчиков не только комедии Гоголя, но и ранних повестей Тургенева и песен Кольцова. Характеризуя в 1854 г. переводчиков Гоголя на немецкий язык, к тому времени, как мы уже видели, довольно многочисленных, М. Л. Михайлов особо выделил именно Видерта: «Между всеми этими переводчиками, — писал он, — г. Видерт, по своему знанию России и русского языка, также как и по таланту, должен занять первое место».¹

Личность этого А. Видерта представляет несомненный интерес, так как он оставил довольно приметные следы и в русской и в немецкой литературах середины XIX в., являясь в то же время живым посредником между ними; тем не менее многосторонняя деятельность его на литературном и переводческом поприщах была забыта уже во второй половине века, так как к концу своей жизни он почти вовсе отошел от литературных дел и редко выступал в печати. «К сожалению, слишком немногие знали его близко, — вспоминал впоследствии в некрологе Видерта К. Н. Бестужев-Рюмин, — а было время, когда в литературных кружках 50-х годов он был желанным гостем, когда в журналах с удовольствием помещали его статьи о немецкой литературе... когда во время поездки своей в Германию он печатал свои переводы «Ревизора» и «Записок охотника»... когда в Брокгаузов Conversations Lexicon сообщал он свои статьи о русской литературе...»²

Биография Видерта (1829—1886) и, в частности, история его личного общения со многими выдающимися писателями середины XIX в., как русскими, так и немецкими, воссоздаются не без труда, так как сохранившиеся о нем сведения не только еще не были собраны и объединены в одном сводном очерке, но в то же время и недостаточны и противоречивы. Некоторую помощь исследователю, впрочем, могут оказать рукописные источники, среди них письма Видерта, сохранившиеся в архивах и еще не видевшие света.

Август Федорович (Фридрихович) Видерт родился в

¹ М. Л. Михайлов. О некоторых переводах с русского языка на немецкий. «Отечественные записки», 1854, т. XCIII, март, отд. V, стр. 13.

² К. Н. Бестужев-Рюмин. А. Ф. Видерт. ЖМНП, 1886. № 6, Современная летопись, стр. 113—114.

Москве в 1829 г. в семье учителя;¹ воспитание он получил вначале дома, а затем в пансионе, откуда вынес хорошее знание французского и латинского языков. Сороковые и пятидесятые годы, прожитые им частью в Москве, частью за границей, были периодом его интеллектуального роста и началом активной литературной деятельности. К. Н. Бестужев-Рюмин глухо упоминает, что по каким-то обстоятельствам Видерт не мог поступить в Московский университет, уехал за границу и «между 1854—1856 гг. пробыл в Германии. Он жил преимущественно в Берлине и слушал здесь лекции в Берлинском университете».² Сведения эти, повторенные также в ряде других справочных изданий, неточны и требуют исправлений. Мы не знаем, какие причины вызвали отъезд Видерта из Москвы за границу и довольно продолжительное там пребывание, но несомненно, что Москву Видерт покинул уже в 1852 г. и затем до 1858 г. бывал здесь только наездами. По видимому и продолжение образования Видерта в русском университете и зачисление его на русскую службу встречали серьезные затруднения. К этому прибавлялись какие-то семейные обстоятельства, сущность которых также остается для нас неясной. Намеки на это мы находим в неизданных письмах Видерта к Г. П. Данилевскому, писанных вскоре после отъезда его из России в Германию. Отправившись туда пароходом из Петербурга летом 1852 г., Видерт писал Г. П. Данилевскому, с которым он состоял в самых приятельских отношениях, осенью того же года (письмо из Лейпцига от 28 октября 1852 г.): «Вот вам вкратце мое путешествие: две недели провел я в Берлине, где узнал, что маменька моя умерла и что сестра моя живет в

¹ Год его рождения указывается различно: то 1823, то 1829, то 1830 гг. Мы принимаем дату, указанную К. Н. Бестужевым-Рюминым в его статье о Видерте в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, т. V (СПб., 1897, стр. 240), так как он, по собственному свидетельству, знал Видерта «свыше тридцати лет» и для своей статьи о нем почерпнул сведения «из архива с.-петербургского университета», следовательно из официального служебного формуляра Видерта. Д. Д. Языков («Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», выпуск восьмой, М., 1900, стр. 18—19) и С. А. Венгеров («Источники словаря русских писателей», СПб., 1900, стр. 569) приводят дату 1823 г. В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей с.-петербургского университета» (т. I, СПб., 1896, стр. 153) в заметке Ф. Брауна об А. Ф. Видерте год его рождения не указан вовсе. И. А. Шляпкин («Вестник всемирной истории», 1900, № 6, стр. 90) указывает, однако, 1830 г. — Отец А. Видерта издал руководство к изучению немецкого языка: *Elementarbuch der deutschen Sprache von Friedrich Viedert* (Москва, 1840).

² С. А. Венгеров в Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. V, СПб., 1897, стр. 240—241.

Мюнхене, куда я немедленно отправился. Тут я пробыл 4 месяца; около месяца путешествовал я в Баварских и Тирольских горах».¹ В другом письме Видерта к тому же Данилевскому (Лейпциг, 21 октября н. с. 1852) говорится: «Я в августе будущего года опять думаю быть в Петербурге, прошу русское подданство и поступаю на службу: от немцев я отказался навсегда», и ниже: «...я месяца через полтора еду в Париж».²

Некоторое представление об этих «годах странствий» Видерта дают его корреспонденции из Лейпцига, Мюнхена, Дрездена и Берлина, посылавшиеся им в «Московские ведомости» (1852—1854), а затем и в «С. Петербургские ведомости» (1853—1856). Эти многочисленные «письма из заграницы» Видерта сообщают немало интересных данных из истории литературной, художественной, театральной жизни Германии, собранных на месте действия в непрерывном общении со многими выдающимися немецкими культурными деятелями этой поры; ниже мы воспользуемся некоторыми из этих данных для интересующей нас цели. Подчеркнем здесь предварительно, что указанные корреспонденции Видерта представляют для нас интерес и как надежный источник для изучения путей его странствований и установления точных дат отдельных этапов его заграничной жизни. Так, в письме из Дрездена, напечатанном в «Московских ведомостях» 1852 г. (с датой: 16 ноября), Видерт писал: «Через час возвращаюсь в Лейпциг, где кончу некоторые дела мои, а потом опять приеду в Дрезден и проживу в нем как можно долее, потому что, несмотря на все испытанные в нем неудачи, все-таки Дрезден нравится мне лучше всех других мест. Тогда надеюсь сообщить вам любопытные вести».³ Из корреспонденции, датированной 28 ноября 1852 г., видно, что Видерт в это время

¹ Архив Г. П. Данилевского в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде: «Собрание писем разных лиц к Г. П. Данилевскому, переплетенное в трех томах», т. II, № 226, лл. 14—16 (ср. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1908 г., П., 1915, стр. 59—60; на неопубликованные письма Видерта, хранящиеся в этом архиве, мое внимание обратил Ф. Я. Прийма) В более раннем письме Видерта к Данилевскому (Москва, 24 февраля 1852 г.), хранящемся здесь же, говорится, что он «решил пробыть в Москве еще несколько месяцев, приехать первого июня в Петербург и 25-го того же месяца отправиться на пароходе за границу» (там же, т. II, л. 12—13). Очевидно этот план Видерта и был воплощен им в жизнь. Корреспонденции его в «Московских ведомостях» начали печататься с ноября 1852 г.

² Архив Г. П. Данилевского. т. II, л. 17—18.—Поездка Видерта во Францию безусловно не осуществилась.

³ «Московские ведомости», 1852, № 143, стр. 1468. (Подпись: А. В.).

находился уже в Лейпциге.¹ Письмо от 18 декабря того же года дает нам новое указание: «С недавнего времени я живу за городом, в четверти версты от него, в Нейшенфельде». ² Из последующих писем Видерта, регулярно печатавшихся в той же газете, мы можем вывести заключение, что новый 1853 год он встретил в Лейпциге, жил здесь до февраля, затем вновь переселился в Дрезден, находился здесь до середины октября и затем вернулся в Петербург.³

Как ни молод был Видерт (во время первого пребывания его в Германии ему исполнилось только 23 года), жизнь за границей не была для него бесплодным времяпрепровождением; он видел многое, успел завести немало литературных и артистических знакомств. Из писем его, печатавшихся в русских газетах, следует, что все это время он внимательно присматривался к различным сторонам немецкой культурной жизни, действительно изучал немецкие театры, посещал знаменитых актеров, сблизился со многими писателями и журналистами. Так, он свел, например, знакомство с Карлом Гуцковым, Б. Ауэрбахом, Теодором Штормом, из артистов — с Т. Дёрингом, пытался пробить и себе дорогу в немецкие издательства и журнальные редакции, на первых порах, впрочем, без особого успеха. Возвращаясь на родину, Видерт был полон надежд и литературных проектов; однако чужбину, — куда он вовсе не собирался переселяться на постоянное жительство и где принуждали его находиться какие-то семейные обстоятельства, — Видерт покидал не без сожалений, не зная еще, что ему вскоре вновь придется возвратиться туда. Большая корреспонденция Видерта в «Московские ведомости», писанная им на пути в Петербург, в которой он подводит итог этому периоду своей жизни в Германии, окрашена в лирические тона: «...Мысль, что провожу последнюю ночь в Германии прогоняла от меня всякий сон. Все минувшее полуторагодового пребывания моего в Германии воскресало передо мною. Мне представлялся почти каждый день этого периода моей жизни, малейший случай теперь казался значительным приключением. Особенно ясно мерещился мне Дрезден, который оставил я дня три тому назад и где провел

¹ «Московские ведомости», 1852, № 150, стр. 1540. (Подпись: А. Видерт).

² Там же, № 152, стр. 1563.

³ См. корреспонденции, напечатанные в «Московских ведомостях» за 1853 г.: № 1, стр. 10—11 (Лейпциг, 23 декабря 1852 г.); № 6, стр. 61—62 (Лейпциг, 26 декабря и 1 января 1853 г.); № 11, стр. 110—111 (Лейпциг, 16 января); № 26, стр. 271—272 (Дрезден, 28 февраля); № 51, стр. 524 (Дрезден, 22 апреля); № 129, стр. 1329 (Берлин, 14 октября); № 143, стр. 1473 (Штеттин—Петербург, Середина октября).

наибольшее время. Виделись мне и Гуцков, по-домашнему в халате, прищуривая глазки и поглаживая свою бородку, Ауэрбах с своим умным еврейским лицом, высокий худощавый путешественник Коль; Девриен в костюме маркиза Позы, Дженни Линд, известная под названием „шведского соловья“, но не в концертной зале (она более не участвует в публичных представлениях), а у себя дома, в чепчике, и в заботах о хозяйстве; далее сокровища Дрезденской галереи и Саксонская Швейцария со своими прихотливыми видами...».¹

Будучи проездом в Берлине 14 октября 1853 г., накануне отъезда в Россию, Видерт сделал визит старику Фарнгагену фон Энзе (1785—1858). Этот видный писатель, историк и публицист, участник войн с Наполеоном, доставивших ему в то время чин капитана русской службы, доживал свой век среди разнообразных литературных занятий, писания мемуаров и постоянного общения со многими русскими литераторами, бывавшими в Берлине. Фарнгаген знал русский язык, постоянно читал русские книги, следил за развитием русской литературы. В свое время близкий к кружку Н. В. Станкевича, к Грановскому, Фроловым, знавший также И. С. Тургенева, Фарнгаген еще в 1838 г. напечатал знаменитую статью о Пушкине, первый познакомил немецкую литературу с Лермонтовым и, — как мы уже отметили выше, — явился одним из инициаторов немецких переводов из Гоголя. Свое посещение Фарнгагена Видерт описал в корреспонденции, датированной 14 октября 1853 г.: «...Был у Фарнгагена фон Энзе, имя которого известно не только в Германии, но и в России. Старик, почти семидесятилетний, принял меня очень благожелательно, хотя я не был знаком с ним прежде и явился к нему без всяких рекомендательных писем. Он так свеж, что кажется будто ему не более 45 лет. Я был глубоко тронут его дружелюбным видом, пожатием руки и кротким, задушевным голосом. Он не принадлежит к числу тех стариков, которые спокойно ожидают кончины, как люди совершенно отжившие. Напротив, все существо его дышит жизнью, свежей, веселой жизнью. С каким участием расспрашивал он меня о своих русских знакомых, которые приезжали студировать в Берлин в 1845 году, и как радовался, получив от меня приятные вести о них. Фарнгаген был когда-то в русской службе и знаком со многими русскими писателями, как, например, с Жуковским, кн. Вяземским и пр., писал о русской литературе, в особенности о Пушкине, перевел с русского „Бэлу“ из романа Лермонтова, „Сильфиду“ Одоевского и др. [...] От меня потребовал

¹ «Московские ведомости», 1853, № 143, 28 ноября, стр. 1473 (Подпись: В.).

он лишь несколько строк для своего собрания рукописей. Я написал ему маленькую песню Кольцова в моем переводе на немецкий язык. Я пробыл у него три часа и не заметил, как прошло это время».¹ В «Дневнике» Фарнгагена визит Видерта отмечен в записи от того же 14 октября: «Посещение г. Августа фон Видерта из Москвы; он приехал из Лейпцига и привез мне привет и книгу от Вольфзона. Обстоятельная беседа о русской литературе; он знает Грановского, читающего в Москве пользующиеся успехом лекции по истории, Шевырева, Каткова, издающего в Москве газету, Ефремова, Ивана Тургенева, — на полгода высланного в его имение, также кн. Вяземского и др.».²

3

Отправляясь в первый раз за границу в середине 1852 г., Видерт увозил с собою много воспоминаний о русской литературной жизни, как человек, уже вошедший в довольно тесное соприкосновение с нею. «Обстоятельная беседа» с Видертом о русской литературе могла представить для Фарнгагена фон Энзе известный интерес прежде всего потому, что Видерт действительно был в курсе всех важнейших русских литературных новостей того времени и лично знаком со многими русскими писателями. К началу 50-х годов, живя в Москве, но изредка бывая также и в Петербурге, Видерт успел уже обзавестись весьма обширным кругом знакомств среди действующих русских литераторов; свои связи с ним Видерт, по мере сил поддерживал и в последующие годы, живя в Германии, путем деятельной переписки и личного общения с теми из них, кто ездил за границу.

Знакомства Видерта в русских литературных кругах были не только обширны, но и очень разнообразны; он знал большинство московских и петербургских писателей, объединявшихся вокруг «Отечественных записок» и «Современника». Как увидим ниже, он был горячим поклонником Белинского, которого он, однако, уже не застал в живых и историческое значение которого пытался разъяснить в Германии в те годы, когда в русской печати над именем великого критика еще тяготел запрет. Видерт имел особую личную склонность к

¹ «Московские ведомости», 1853, № 129, 27 октября, стр. 1329 (подпись: А. Видерт). — Эта «Песня» сохранилась в архиве Фарнгагена. См. L. Stern. Die Varnhagen von Ense'sche Sammlung in der Kgl. Bibliothek zu Berlin. Berl., 1911. стр. 851.

² К. А. Varnhagen von Ense. Tagebücher, Bd. 10, Hamburg, 1868. стр. 307. — З. Вольфзон, выходец из России, плодовитый переводчик с русского языка. См. о нем: «Литер. наследство», т. 56. М., 1950, стр. 461—462.

И. С. Тургеневу и к Н. А. Некрасову; кроме того, он встречался или состоял в переписке с Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. А. Фетом, А. В. Дружининым, А. А. Краевским, В. П. Гаевским, Н. В. Гербелем и многими другими; в начале 50-х годов его изредка можно было встретить на собраниях различных литературных кружков и объединений, например в либеральном московском литературном салоне Е. П. Ростопчиной; из старого поколения литераторов осторожное, благонамеренное и не очень действенное покровительство оказывал ему одно время П. А. Вяземский.

Имя Видерта встречается порой в русской литературной переписке, дневниках и мемуарах 50-х годов. По словам А. А. Фета, Видерт был «белокурый молодой немец, весьма удачно переводивший русские стихи и прозу на немецкий язык».¹ В памяти Фета сохранилось шуточное стихотворение Некрасова (1850 г.), в котором упоминается Видерт. Оно начинается следующими стихами:

Стол накрыт, подсвечник вытерт,
Самовар давно кипит.
Сладковатый немчик Видерт
У Тургенева сидит² и т. д.

Упоминается Видерт и в позднейших письмах Некрасова к Тургеневу;³ до нас дошло также письмо Тургенева к Видерту.⁴

В самом начале 50-х годов у Видерта установились также приятельские отношения с несколькими молодыми русскими писателями, только еще вступавшими на путь литературной деятельности: с Я. П. Полонским, явившимся летом 1851 г. в Москву из Рязани со своей «имеретинской драмой» «Дареджана» и вскоре затем поселившимся в Петербурге; с Н. Ф. Щербиной, автором «Греческих стихотворений» (1850), приехавшим из Одессы и определившимся в Москве на службу в губернское правление, на должность помощника редактора

¹ А. А. Фет. Мои воспоминания. М., 1890. ч. I, стр. 35.

² Н. А. Некрасов. Стихотворения. М., 1948. стр. 410—411.

³ В 1856 г. Видерт, живший в это время в Берлине, поджидал здесь приезда Некрасова, собираясь сопровождать его в дальнейшей заграничной поездке. «Что Видерт?» — спрашивал Некрасов Тургенева в письме от 30 июля 1856 г.; вскоре, однако, уже из Берлина Некрасов писал того же Тургенева (16—28 августа 1856 г.): «К сожалению у Видерта (который тебе кланяется) лихорадка и я завтра без него пускаюсь до Венны. Нечего делать» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., и писем, т. X, М.—Л., 1952. стр. 285, 289).

⁴ Письмо Тургенева к Видерту от 5 апреля 1855 г. напечатал И. А. Шляпкин (Берлинские материалы для истории русской литературы. «Вестник Всемирной Истории». 1900, № 6, стр. 90).

«Московских губернских ведомостей»; с Г. П. Данилевским, будущим историческим романистом, весной 1850 г. окончившим курс в петербургском университете, в недавнем прошлом привлекавшимся к процессу петрашевцев, но теперь служившим чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения при А. С. Норове; Г. П. Данилевский бывал в Москве по делам министерства.¹ Со всеми этими лицами Видерт поддерживал некоторое время переписку и из Германии, пока она не угасла естественным образом вследствие редких личных встреч или наступившего между ними охлаждения. Напротив, более сердечные, близкие и продолжительные отношения возникли у Видерта с М. Л. Михайловым, поэтом и переводчиком, в недалеком будущем ставшим видным литературным деятелем революционно-демократического лагеря.

Естественно, что приехав в первый раз в Германию, Видерт был еще настолько полон впечатлений о русской литературе, о русской идейной борьбе тех лет и противоборствующих тенденциях общественных сил, что продолжал жить своими московскими воспоминаниями. К. Н. Бестужев-Рюмин в своем некрологе Видерта² называет его, — этого «белокурого юношу, мечтательного поклонника Гейне», каким он знал его в 50-е годы, — «типическим германцем 40-х годов», всецело проникнутым, однако, идеями передовой русской литературы, в атмосфере которых он вырос, получил свое воспитание и определил свое призвание к литературе. Эти впечатления владели Видертом вполне и оказали свое влияние и на его оценку литературного движения в Германии (не случайным было его тяготение к прогрессивным немецким писателям его времени и к передовым явлениям литературного прошлого) и на отношение его к немецкой культурной жизни. В особенности задевало его в Германии все то, что свидетельствовало о непонимании России, о равнодушии к ее искусству или простой

---

¹ М. Г. Данилевский. Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893, стр. 6—8: Г. П. Данилевский. Из литературных воспоминаний. Полн. собр. соч., изд. 9-е, т. 14, стр. 158. — «Я душевно рад, что и Полонского найду в Петербурге, — писал Видерт Г. П. Данилевскому 24 февраля 1852 г. — Как он у вас там поживает, не тоскует ли он о своем Тифлисе? Неужели драма его „Дренджана“ (sic) не могла найти себе местечка в петербургских журналах и должна искать убежища в „Москвитянинне“?» (Архив Г. П. Данилевского, т. II, л. 13). Драма Я. П. Полонского действительно была напечатана в апрельской книге «Москвитянина» 1852 г., принятая «молодой редакцией» этого журнала, по отзывам А. Н. Островского и Аполлона Григорьева.

² ЖМНП, 1886; № 6, стр. 114.

неосведомленности. Едва появившись в Лейпциге, он с возмущением пишет оттуда о какой-то немецкой книге, в которой он нашел яркую иллюстрацию скудости познаний тамошних критиков в области современной русской литературы.¹ В февральском дрезденском письме 1853 г. Видерт с восторгом признается, что здесь, на чужбине, «все родное, русское» становится ему особенно дорого: снег, выпавший на улицах города, ломоть черного хлеба, который прислал ему полакомиться проезжий русский помещик.² Во всех немецких городах Видерт явно ищет прежде всего русского общества. «В Дрездене, — пишет он, — теперь собралось не мало наших, особенно дам». «В русских гостиных вовсе не говорят по-немецки; но, к сожалению, предпочтение делается не отечественному, а французскому языку. Я стараюсь навести разговор на наш язык и литературу, читаю дамам стихи Пушкина, Лермонтова и Кольцова. С первыми двумя они более или менее знакомы; но Кольцов неизвестен большей части из них даже по имени. Они наивно спрашивают: „Ах, неужели это мужичок сочинил? Как это мило! Прочтите пожалуйста еще раз „На селе своем жил молодец“, „Ну, тащися, Сивка“ и „Что ты спишь, мужичок“».³ О том, что за «русские гостиные» в Дрездене Видерт имеет в виду, могут дать некоторое представление страницы дрезденского дневника П. А. Вяземского 1853 г.; кстати, в записи этого дневника от 21 июля 1853 г. упоминается и Видерт: «20 (июля) отправился я с Видертом, в 7 часу утра, в Freiberg, за отысканием следов Ломоносова. Но и эта моя Франклинская экспедиция, кажется, останется безуспешною. Ледяные горы немецкой флегмы загородили путь к желаемой цели».⁴

С такою же охотой о русской жизни, людях и книгах говорит Видерт и со своими немецкими собеседниками: соседу своему по квартире в Лейпциге, занимающемуся графологией, он показывает снимки с почерков Пушкина и Кольцова;⁵ познакомившись с знаменитым артистом Дёрингом, «пользующимся славой одного из лучших артистов в Германии», он, конечно, беседует с ним «о русском театре».⁶

Прекрасное знакомство с двумя языками, — русским и немецким, — досуг, давние литературные склонности и навыки,

¹ «Московские ведомости», 1853, № 1, стр. 10—11.

² «Московские ведомости», 1853, № 26, стр. 271.

³ «Московские ведомости», 1853, № 26, стр. 271—272.

⁴ П. А. Вяземский. Полное собрание соч., т. X. СПб., 1886, стр. 68.

⁵ «Московские ведомости», 1852, № 152, стр. 1563—1564.

⁶ «Московские ведомости», 1853, № 129, стр. 1329.

наконец также и поиски литературной работы ради заработка привели Видерта к мысли попытаться свои силы на поприще литературного перевода с русского языка.

Деятельностью этой Видерт занимался еще и раньше, в Москве, до приезда в Германию. Повидимому, одним из первых опытов его в этой области был начатый им перевод «Обыкновенной истории» Гончарова. Видерт послал автору в виде образца готовый отрывок из своего перевода романа, писал ему письма, но может быть так и не получил просимого разрешения, так как перевод этот закончен не был: Гончаров, как известно, всегда подозрительно относился ко всем опытам переводов его сочинений и до конца жизни отмахивался от всяких переводческих услуг, находя, что в любой иностранной литературе «писатель не может завоевать и половины того места, какое он занимает в своей стране, вследствие различия в нравах и условиях жизни».¹ С этим мнением Гончарова, которое в той или иной степени разделяли также и многие современные ему русские писатели, интересно сопоставить убеждение Видерта, высказанное им в одной из его статей о немецкой литературе, в конце 50-х годов. «Всякий писатель, — говорил впоследствии Видерт, — непременно преследует какие-нибудь цели и интересы, имеющие вес в его отечестве и в которых или не нуждаются или нельзя найти смысла вне его».² Видерт хочет, очевидно, сказать, что далеко не всякое произведение художественной литературы должно вызывать к себе интерес и может приобрести значение за пределами данной литературы, вне ее отечества, т. е. в литературе иностранной, что — иными словами — далеко не всякое произведение литературы заслуживает перевода на чужой для него язык, так как понято будет не до конца читателями, которые чаще всего нуждаются в нем лишь до известной степени, лишь отчасти и, следовательно, в состоянии будут усвоить его не в полной мере. Для собственной переводческой практики Видерта эта его мысль несомненно имела принципиальное значение. Он вовсе не стал профессиональным переводчиком, который мог переводить без разбора все, что попадалось под руку или вызывало спрос; в выборе Видертом произведений русской литературы для собственных переводов чувствуется строгая сдуманность и своего рода система: он переводил только те произведения русской литературы, которые с его точки зрения должны были иметь интерес для иностранных читателей, идей-

¹ М. Ф. Суперанский, *Материалы для биографии И. А. Гончарова*. Сб. «Огни», кн. I, П., 1916, стр. 215—216.

² «Московское обозрение», 1859, кн. II, стр. 233.

ное значение которых перерастало границы русской литературы и языка. Переводческая деятельность Видерта ограничилась передачей на немецком языке лишь нескольких классических произведений русской литературы, интерес и значение которых для литератур иностранных он сумел предугадать и определить весьма проникательно.

В Москве, до первой поездки своей за границу, Видерт занят был переводом на немецкий язык «Записок охотника». Любопытно, что это был первый опыт перевода знаменитого впоследствии во всех иностранных литературах произведения Тургенева, притом до выхода в свет «Записок» отдельной книгой. В неизданном письме к Г. П. Данилевскому от 24 февраля 1852 г. Видерт писал из Москвы: «Между тем как посланный мною Гончарову отрывок перевода „Обыкновенной истории“ находится у него, я перевел из „Записок охотника“ Тургенева: Матиновая вода, Уездный лекарь, Бирюк, Лебедянь, Татьяна Борисовна и ее племянник, Смерть, Хорь и Калиныч <...> рассказ Петр Петрович Каратаев. Теперь у меня под руками Бурмистр».¹ Переводы эти, следовательно, делались по журнальным текстам, напечатанным в различных книжках «Современника» 1847—1850 гг., менее чем через год после того, как Тургенев предоставил право отдельного издания «Записок» одному из старейших членов кружка Белинского, Н. Х. Кетчеру, и повидимому еще до того, как последний успел закончить в Москве редакционную подготовку этого издания. О том, что «Записки охотника» выпускаются в свет отдельной книгой, Видерт знал задолго до их выхода в свет, вероятнее всего от самого Тургенева. Живя в Лейпциге, Видерт задумал продолжать свою работу по переводу «Записок охотника», начатую им еще в конце 1851 г. и вновь писал тому же Г. П. Данилевскому (21 октября 1852 г.): «Кстати. Тургенев обещался мне прислать через контору Языкова и комп. (под фирмою „Деятельность“) свои „Записки охотника“ коль скоро они будут напечатаны; с тех пор уже много времени прошло, они должно быть уже давно вышли из печати».²

Мы не имеем точных данных относительно того, когда до Видерта дошло столь ожидавшееся им издание «Записок охотника», к этому времени уже действительно появившееся в

¹ Архив Г. П. Данилевского, т. II, л. 12—13.

² Архив Г. П. Данилевского, т. II, л. 18 — М. А. Языков, находившийся в приятельских отношениях с членами редакции «Современника», имел в это время в Петербурге комиссионную контору, занимавшуюся между прочим, выпиской и рассылкой книг и журналов.

продаже в Москве и Петербурге,¹ но знаем зато, что свои переводы отдельных рассказов «Записок» Видерту вскоре же удалось пристроить в немецких периодических изданиях. Уже 28 октября (н. ст.) 1852 г. Видерт писал Данилевскому, что «повесть Тургенева „Петр Петрович Каратаев“ была принята в *Novellenzeitung* Спамера (*Spamer*) и будет напечатана недели через полторы».²

Впоследствии, в 1854 г., во второе свое пребывание в Германии, Видерт выпустил в Берлине первый том «Записок охотника» в своем переводе: это был ранний и несомненно лучший немецкий перевод этого произведения, которым Видерт тогда же сильно заинтересовал своих немецких друзей — писателей Теодора Шторма и Пауля Гейзе, ставших впоследствии друзьями самого Тургенева.³ Приятельские встречи Тургенева и Видерта, а также переписка между ними продолжались и в более поздние годы. Видерт присутствовал, например, при знаменательной беседе Тургенева с Фарнгагеном фон Энзе, состоявшейся в Берлине 6 августа 1856 г. Эта беседа, носившая окрошенный политический характер, описана Фарнгагеном в его дневнике: «Иван Тургенев пришел ко мне в сопровождении Видерта, — добро пожаловать! Он еще сегодня отправляется дальше в Париж, затем в Рим. Рассказывал о себе, о своем месячном аресте и двухгодичной ссылке, вызванной появлением „Записок охотника“ (sic). Дал подробные сведения о состоянии России. Два основных вопроса — рост сектантства и крепостное право. Крестьяне вполне убеждены, что император объявит при коронации в Москве вольность. Император Николай, ограниченный и жестокий, был по своей природе сущим полицейским агентом. Характер его правления, мучительное распадение, гниение го-

---

¹ Хотя цензурное разрешение «Записок охотника» датировано 6 марта 1852 г., но, в связи с арестом Тургенева и высылкой его в с. Спасское, выход в свет книги задержался до начала августа 1852 г.: в Петербурге книга появилась только в конце этого месяца («Московские ведомости», 1852, № 101, стр. 1048), а за границей еще позже; Фарнгагену Тургенев послал книгу только в 1853 г. *Varnhagen von Ense, Tagebücher*, Bd. X, Hamburg, 1869, S. 159, 160—161.

² Архив Г. П. Данилевского, т. II, л. 14. Действительно, указанный Видертом рассказ появился в этой газете в № 49 за 1852 г.; позднее в той же газете (1853, №№ 14 и 18) Видерт поместил свои переводы двух рассказов из «Записок охотника» — «Смерть» и «Ермолай и мельничиха». Ср. «Отечественные записки», 1854, т. XCIII, март, отд. V, стр. 14.

³ J. Eichholz, *Turgenev in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883*. «Germanoslavica», H. I (Prag, 1931—1932), стр. 44.

сударства...» и т. д.¹ Не подлежит сомнению, что Видерт разделял эти взгляды Тургенева; во всяком случае, в его присутствии Тургенев мог быть вполне откровенным, говоря о важнейших проблемах общественно-политической жизни в России и высказывая вполне недвусмысленное к ним отношение.

Демократизм или, лучше сказать, воинствующее народолюбие, сильная и резко себя проявляющая антикрепостническая тенденция, широкий просветительский гуманизм, — таковы были черты «Записок охотника», которые влекли к себе внимание Видерта как переводчика. Он был вполне последователен, когда одновременно с знаменитой книгой Тургенева, т. е. в начале 50-х годов, стремился сделать достоянием немецкой литературы также лучшие из песен Кольцова. «По отрывкам этого труда, напечатанным в немецких журналах, видно, что переводчик глубоко сочувствует нашему поэту и серьезно изучил его произведения», — писал о переводах Видерта М. Л. Михайлов; «признаюсь, до появления переводов Видерта мы крепко сомневались в возможности передать на иностранном языке песни Кольцова так, чтобы они сохранили в переводе то значение, которое имеют для нас», — писал М. Л. Михайлов далее. Вполне отдавая себе отчет во всех трудностях подобного предприятия и крайностях, в которые мог бы удариться любой неопытный или безвкусный переводчик песен Кольцова, имеющих на себе отчетливую печать народности и поэтического своеобразия, М. Л. Михайлов замечал: «Избежать этих крайностей мог только человек с замечательным поэтическим талантом и притом близко знакомый с русской народностью. Такой именно человек г. Видерт: родившийся и воспитанный в России, он понимает Кольцова как русский; владея в то же время языком как немец, он умеет находить в этом богатом языке верное и полное выражение для каждой мысли, для каждого почти оборота переведимого им поэта». Сопоставив ряд переводов Видерта с оригиналами Кольцова, Михайлов пришел к заключению, что Видерт «безукоризненно-хорошо» справился со своей задачей.² К сожалению, далеко не все переводы Видерта из Кольцова увидели свет; многие из них остались неопубликованными; другие были заслонены более новыми и многочисленными, но далеко не лучшими немецкими переводами стихотворений того же русского поэта, появившимися в последней

¹ К. А. Vagnhagen von Ense. Tagebücher. Bd. XIII, стр. 111—112. — Полностью цитата приведена в «Сочинениях» И. С. Тургенева (Л., 1934, т. XI, стр. 631—632), однако с ошибкой в ссылке на источник.

² «Отечественные записки», 1854, т. XCIII, март, отд. V, стр. 10—12.

четверти XIX в. «Еще недавно Шпильгаген напечатал некоторые, прекрасно переведенные им песни Кольцова, остальные, к сожалению, остались в рукописи», — отметил в некрологе Видерта К. Н. Бестужев-Рюмин.¹ Не были собраны и перепечатаны также рассеянные в немецких периодических изданиях переводы стихотворений Лермонтова, принадлежащие перу Видерта; впрочем, они не очень многочисленны.

Переводы «Записок охотника» и песен Кольцова, начатые Видертом в Москве и успешно продолженные им в Германии, были настоящим испытанием его переводческих сил. В отличие от многих других немецких переводчиков произведений русской художественной литературы этого времени, указанные переводы Видерта, основанные на полном и отчетливом понимании оригиналов, привлекали к себе иностранных читателей превосходными качествами своего немецкого языка. Воспитанный в Москве, до тонкости понимавший русскую речь, хорошо разбиравшийся во всех оттенках ее стилистических регистров, социальных жаргонов и крестьянских диалектов, Видерт более чем кто-либо другой был в состоянии воспроизвести средствами немецкого языка такие сложные по своей языковой и стилистической структуре произведения, как рассказы Тургенева или песни Кольцова. Несомненно, однако, что переводы эти удалась бы Видерту значительно менее, если бы он не закончил их в Германии, окруженный стихией немецкого языка, обновившей и укрепившей его навыки в немецкой речи, полученные им лишь в ограниченном домашнем кругу, в семейной обстановке его детских лет. Улучшению качества его переводов помогли также компетентные отзывы тех немецких литературных деятелей, с которыми он вошел в соприкосновение в годы своей заграничной жизни. Такова была, например, роль Теодора Шторма при отделке Видертом перевода «Записок охотника». Естественно, что высокому качеству переводов Видерта способствовали также присущие ему языковое чутье, большие лингвистические способности, обеспечившие ему к середине 50-х годов одинаково хорошее владение несколькими языками. Особенностью переводов Видерта является то, что они сознательно избегают буквализма и установки на чужезычие, которыми в то

---

¹ ЖМНП, 1886, № 6, стр. 114. — Речь идет о перепечатке Шпильгагеном переводов Видерта, впервые увидевших свет в начале 50-х годов в различных немецких изданиях: «Deutsches Museum», «Novellenzeitung», «Dresdener Album» и др. Некоторые переводы Видерта из Кольцова сохранились в рукописях; см., например, перевод песни Кольцова «Так и рвется душа», записанный Видертом в 1854 г. в Альбом Н. В. Гербеля, хранящийся в Гос. Публ. библиотеке в Ленинграде (л. 3).

время грешила значительная часть немецких переводчиков с русского языка. Именно это и обеспечило его переводам самый лестный прием немецкой критики, весьма прохладно отзывавшейся о большинстве остальных, и в то же время позволило Видерту смело поставить перед собою еще более трудные и ответственные переводческие задачи. Одним из наиболее значительных и успешных по своим результатам трудов Видерта-переводчика несомненно был его перевод «Ревизора» Гоголя.

4

Перевод «Ревизора» издан был Видертом в конце 1854 г., но задуман был значительно раньше. У этой интересной книги была довольно длинная предистория, которую не бесполезно знать, приступая к оценке качеств этого перевода и его судьбы в немецкой литературе и театральной жизни. Хотя самый замысел перевести и издать комедию Гоголя вполне естественно вытекал из поставленной себе Видертом задачи — пропагандировать, по мере сил, лучшие произведения новейшей русской литературы за рубежом, но мы вправе думать, что на этот раз выбор для перевода «Ревизора» был сделан Видертом при особых обстоятельствах.

Видерт уезжал за границу летом 1852 г., под еще свежим впечатлением смерти Гоголя и всех вызванных ею событий. Почти с уверенностью можно сказать, что Видерт присутствовал при похоронах Гоголя (25 февраля), на которых, по свидетельству современников, была «вся Москва»,¹ в особенности вся молодая, студенческая Москва; похороны эти, по тем же свидетельствам, как известно, носили характер «общественного события». Во всяком случае, Видерт был безусловно в курсе всех «толков в народе» и многочисленных рассказов, ходивших в Москве по этому поводу.² Также несомненно, что Видерт своевременно прочел статью о Гоголе Тургенева, напечатанную 13 марта 1852 г. в «Московских ведомостях», в той самой газете, где он и сам начал сотрудничать несколько месяцев спустя. Не менее хорошо знал Видерт и то, что эта статья вызвала арест и последующую высылку Тургенева в деревню по распоряжению самого Николая I. Видерт, как мы уже видели, был первым, кто сообщил Фарнгагену все обстоятельства этого ареста Тургенева. Кто из молодежи не

¹ Из воспоминаний А. А. Харитоновой «Русская старина», 1894, № 4, стр. 153

² Н. Ф. Павлов в письме к А. В. Веневитинову по поводу похорон Гоголя, 1 марта 1852 г., отметил: «толки в народе во время похорон: анекдоты тьма» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. т. XI, СПб., 1897, стр. 538).

помнил тогда наизусть ставшие знаменитыми строки этой статьи Тургенева, в частности те ее места, которые особенно обратили на себя тревожное внимание русского правительства? «Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право — горькое право, данное нам смертью, — назвать великим; человек, который своим именем означает эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордились, как одной из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников...»

Следует также иметь в виду, что Видерт до своего отъезда за границу, помимо Тургенева, знаком был с другими русскими литераторами, которые посещали Гоголя, помнили лучшие годы его жизни и театральные успехи его комедий. Не может быть, в частности, никакого сомнения в том, что Видерт видел представление «Ревизора» на московской сцене. Приятель его и корреспондент Г. П. Данилевский осенью 1851 г., через посредство О. М. Бодянского, сам познакомился с Гоголем, а через два с половиной месяца после его смерти совершил поездку на его родину, встречался с его родными, записывал их рассказы о покойном писателе. Все это, как известно, Г. П. Данилевский описал впоследствии в своей статье: «Знакомство с Гоголем». Вспоминая здесь о тех обстоятельствах, которые сделали возможным его свидание с великим писателем, Г. П. Данилевский писал: «Автор „Мертвых душ” находился в то время на вершине своей славы и мы, тогдашняя молодежь (мне в то время было двадцать два года), питали к нему безграничную любовь и преданность».¹ Ровесник Данилевского Видерт не составлял в этом смысле исключения, являясь таким же преданным поклонником Гоголя, как и его приятель. Любопытно, что в то время как Данилевский в мае 1852 г. на перекладных отправлялся на родину Гоголя, в село Васильевку близ Диканьки, Видерт уезжал за границу, полный рассказов о Гоголе и впечатлений от всего того, что писалось о нем в русской печати. Очерк Данилевского «Хуторок близ Диканьки» появился в «Московских ведомостях» (1852, № 124, от 14 октября) почти одновременно с первыми заграничными корреспонденциями Видерта в той же газете. Неудивительно, что, очутившись в Германии, Видерт стал прежде всего хлопотать о помещении в немецкой печати своей статьи о Гоголе и отрывка из перевода «Ревизи-

¹ Гоголь в воспоминаниях современников, ред. С. Машчяского. М., 1952, стр. 434; см. также М. Г. Данилевский Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893, стр. 20—26 (письма к Данилевскому о смерти Гоголя О. М. Бодянского, Рамазанова и др.).

зора», очевидно только что им начатого. Однако это сказалося нелегким делом; мы узнаем об этом из очень интересного для нас неизданного письма Видерта к тому же Г. П. Данилевскому (Лейпциг, 21 октября н. ст., 1852 г.). Письмо это начинается следующими строками:

«Наконец, любезный друг, Григорий Петрович, прорвал я себе дорогу к жестоким немецким книгопродавцам. Если б Вы знали, сколько мне это стоило труда и даже денег! Я уже давно написал статью о Гоголе и перевел к ней сцену из Ревизора, но ни один редактор не взялся напечатать ее. Редакция „Allgemeine Zeitung“ спрашивала: „Wer ist denn dieser Gogol?“ [Кто такой этот Иоголь?]. .. Впрочем, они мне наконец поверили, но говорили, что статья слишком велика для газеты. Я послал ее в Лейпциг в „Литературные известия“. Мне прислали рукопись назад, говоря, что к сожалению о Гоголе у них уже была напечатана статья. Все это мне ужасно надоело и в одно прекрасное утро я схватил шапку, простился с сестрой<...> и отправился по железной дороге в Лейпциг. Первое дело мое было сходить к Брокгаузу и предложить ему краткие биографии Гоголя, Крылова и Кольцова, которые он, прочитавши, принял с большим удовольствием, несмотря на то, что уже другой какой-то прислал ему биографию Гоголя и что о Крылове уже было сказано в прежнем издании, но мои статьи, как лучшие, заслужили первенство. От Брокгауза отправился я к книгопродавцу Веберу, издателю *Illustrierte Zeitung*, которому я предложил статью о Гоголе с его портретом, и он также с удовольствием принял ее и просил меня еще написать для его газеты статьи о Жуковском, Одоевском и Кухольнике. Краткая биография в *Конверзационлексиконе* на днях выходит из печати, большую статью о нем с портретом увидите вы 30 октября в *Illustrierte Zeitung* Вебера. . .»¹

Статья эта, действительно, увидела свет в указанной газете, однако без подписи автора; здесь же воспроизведеч был портрет Гоголя, представляющий собою гравюру на дереве с известной литографии Э. А. Дмитриева-Мамонова, выпущенной в Москве, вскоре после смерти Гоголя.² Не подлежит сомнению, что экземпляр этой литографии, продававшейся в Москве уже в марте 1852 г., Видерт захватил с собой за границу; с этого экземпляра и была сделана гравюра для *Illustrierte Zeitung*.

Статья Видерта озаглавлена: «*Nicolai Gogol*». Здесь довольно подробно рассказана творческая биография Гоголя, сопровождаемая характеристикой всех важнейших его произведений. Видерт утверждает, что Гоголь «благодаря своей правдивости, творческой силе и глубине принадлежит к вид-

¹ Архив Г. П. Данилевского, т. II, № 228, лл. 17—18.

² Литография Э. А. Дмитриева-Мамонова воспроизводилась много раз. См., например, «Лит. наследство», 1951, т. 56, стр. 539. Ср. А. Черницкая. Портреты Гоголя. «Исторический вестник» 1890, март, стр. 641—645. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. I. Н. В. Гоголь. М.—Л., 1951, стр. 61, № 634; ср. здесь же на стр. 49—50 №№ 384—388.

нейшим писателям не одной лишь России», рассказывает о его детских и юношеских годах, подчеркивая при этом рано проявившиеся у него склонности к театру. Любопытно при этом, что Видерт, повидимому, пользовался не только печатными источниками, но и устными рассказами о Гоголе, которые он мог слышать в Москве. «В отцовском доме, — пишет, например, Видерт, — Гоголь получил первые наставления относительно декламации и мимического искусства, чем он впоследствии восхищал своих близких друзей. Во время пребывания Гоголя в Риме один из обучавшихся там художников, вследствие непрерывной болезни, очутился в весьма печальном положении. Желая по возможности помочь несчастному, Гоголь, который и сам в то время находился не в лучших обстоятельствах, прочел за деньги в пользу этого художника своего „Ревизора“ всем русским, в то время находившимся в Риме. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, об его исключительном таланте чтеца, а с другой — об его благородном сердце.¹ Поступив в первое учебное заведение, он имел уже ясное представление о литературе и театре, а в гимназии высших наук кн. Безбородко (ныне превращенной в Лицей) он был уже и писателем и отличным актером».

Статья Видерта подробно характеризует Гоголя как реалиста, останавливается на самобытных особенностях его юмора; нередко явственно чувствуется, что Видерт хорошо знал статьи Белинского о Гоголе. Наиболее высокой ступенью творческого развития Гоголя Видерт считает тот период его деятельности, который «начинается „Ревизором“ и оканчивается „Мертвыми душами“». Эти произведения принадлежат к самым значительным из им написанных. Первое представляет нам самым разительным образом провинциальных жителей и является не только лучшей комедией этого рода, какую имеет русская сцена, но также образцовым произведением русской литературы вообще. Основная идея этой пьесы заключается в изображении эгоизма и корыстолюбия под маской рвения ко всеобщему благу.²

Эту немецкую статью свою о Гоголе Видерт безусловно прислал многим своим русским друзьям. Видевший ее М. Л. Михайлов упомянул о ней в одной из своих статей, высказав предположение, что «некоторым из читателей Отечественных записок вероятно известна биография и оценка

¹ Речь идет здесь о публичном чтении Гоголем в Риме «Ревизора» в пользу соотечественника своего, художника Шаповаленко. Подробно рассказывает об этом чтении Ф. И. Иордан в своих «Записках» (М., 1918, стр. 207—208).

² *Illustr. Zeitung*, 1852, Bd. XIX, стр. 283—284.

sehen Poesie in romanisirender
beiz. Doch hat dieser Humor
eine ruhige, objectiv, wahr-
Kur in den „toten Seelen“
beschweifungen, nicht er selbst
te keine Fälschung anerkannt,
nicht mit Jean Paul Richter
„Johannus singt und stöh-
en kann.

im Vorwurfe gemacht, daß er
Begenstände seiner Kunst ge-
wie Alles in der Welt, seine
nicht, was der Künstler dar-
bogat copirt nicht die gemeine
re, er „erhebt sie zur Poesie“
„Seelen“ kommt eine Stelle
Schriftsteller gegen einander
ene bewußte Seite des Lebens
erschreckt hat, Alles das uns
kennt vor Augen haben und
sahrnehmen, den ganzen groß-
moral, die unser Leben um-
ben Charaktere, die auf unse-
on den Werken des Letzteren
sbar sind die Gläser, welche
Bewegung vertheilen den un-
victor Seelenleser, um ein
rächlichen Leben gegriffen ist,
erheben: ein erhabenes be-
n tairischen Bewegung nebenan

s ist die Gemüthigkeit, die
in seinen ersten Schriften
Es hat drei Entwicklungsstuf-
vergliehen Epoche zur ersten
Humor übergeht. Zur ersten
ei „Abende auf dem Weierhof“
Argblurgen; zur zweiten die
annten Novellen; zur dritten
le Dichtung „Die toten See-
gehören mit unter diese drei

Meierhof“ wurde Gogol dem
Produkt eines entschiedenen
st festen Talents, und es ist
wahre Schöpfungskraft darin,
mit ungerechter Strenge, in-
auch nennt der Kritiker beson-

er wurde sich mit ihnen allein beschäftigt haben. Aber die Selbst-
lichkeit des Ganzen zusammen hat den Leser erschreckt. Es hat ihn
erschreckt, daß von jedem meiner aufeinanderfolgenden Seiten ein
ner irrefühler ist, als der andere, daß keine einzige erklärende Er-
scheinung sich darbietet, daß der arme Leser nirgend ausruhen
oder nur zu Atmen kommen kann, und daß nach Lesung des gan-
zen Buchs es erscheint, als ob man aus einem kumpfen Keller
ans Gotteshlicht käme. Man hätte mir eher verziehen, wenn ich
mater die Dilettanten hingestellt, aber die Trivialität hat man
mir nicht verziehen.“

In den „toten Seelen“ ist die materielle Seite des Lebens
behandelt, was der Dichtung eine höchst wichtige, dem Ungehör-
nach formische, im Grunde aber vornehmliche Bedeutung gibt. Der
Dichter verspricht auch die andere Seite des Lebens darzustellen
und vor uns die Schöner der russischen Seele zu entrollen: das
Ende der Dichtung ist voll des reinen hohen Vergnügens jener he-
ter Seite des Daseins. Ob des Dichters Versprechen in Erfül-
lung geben wird, unterliegt jetzt dem Zweifel. Kurz vor seinem
Tode hat Gogol eine Menge Papiere verbrannt, darunter sich

Nikolai Gogol.

Гоголя, напечатанная вскоре после смерти автора „Ревизора” в Лейпцигской „Иллюстрации” (*Illustrierte Zeitung*) с очень похожим его портретом. Статья эта, заключающая, кроме обстоятельных сведений о жизни Гоголя, очень верное суждение о его произведениях, написана Видертом.¹ Один экземпляр этой статьи Видерт послал также Г. П. Данилевскому: «Очень жаль, что переведенная мною сцена из „Ревизора” (3 сцена в I действии) не могла быть напечатана: драматические произведения не входят в план немецкой Иллюстрации», — писал Видерт в сопроводительном письме.² Речь идет о знаменитой сцене, в которой Бобчинский и Добчинский, перебивая друг друга, рассказывают о Хлестакове; едва ли эта, искусственно вырванная из комедии сцена, при всей своей яркости и комизме, могла заинтересовать издателей немецкой газеты, не знавших еще всей пьесы Гоголя в целом; отклонение публикации ее перевода под предлогом, что газета не печатает драматических произведений, могло, таким образом, иметь и другие основания. Но Видерт отличался настойчивостью и энергией; в другом периодическом издании, именно в лейпцигской «Вечерней газете» (*Abend-Zeitung*) 1853 г., еще в первое пребывание свое в Германии, он все же сумел напечатать сцену из «Ревизора» в своем переводе; правда, это была другая сцена, — первая сцена 1-го действия; она опубликована под заглавием: «Aus dem Revizor von Gogol».³

У нас есть все основания полагать, что, уезжая в Россию после полуторагодового пребывания в Германии, Видерт увозил с собою свой перевод «Ревизора», выполненный им до конца. Во всяком случае, М. Л. Михайлов в своей уже не раз цитированной нами статье «О некоторых переводах с русского языка на немецкий», напечатанной в мартовской книге «Отечественных записок», за 1854 г., удостоверяет, что перевод «Ревизора», сделанный Видертом «недавно», был закончен вполне и что ему «случилось слышать чтение Видертом

¹ «Отечественные записки», 1854, март, отд. V, стр. 14. — Михайлов прибавляет тут же, что эта статья «вошла в сокращении в последнее издание Брокгаузова Энциклопедического словаря (*Conversations Lexicon*), в котором помещено и еще несколько статей г. Видерта, относящихся к русской литературе». Несомненно, что именно из этой статьи Михайлова статья Видерта о Гоголе в *Illustr. Zeitung* была, по названию, известна и некоторым библиографам Гоголя; так, ее упомянул, например, Э. Лямбек (Гоголь у немцев. «Литер. вестник», 1902, т. III, стр. 373). Однако ввиду редкости данного издания характеристика этой статьи отсутствует до сих пор в гоголевской литературе; столь же неизвестным остался и гравированный портрет Гоголя, при ней напечатанный; см. воспроизведение его при данной статье (стр. 210).

² Архив Г. П. Данилевского, т. II, № 226, л. 14.

³ М. Л. Михайлов, ук. соч., стр. 12.

этого перевода» в целом, а не в отдельных фрагментах. Это чтение несомненно происходило в начале 1854 г., когда Видерт находился еще в России. Перевод «Ревизора» произвел на М. Л. Михайлова сильное впечатление. «Полное понимание подлинника и верность воспроизведения его делают труд г. Видерта замечательным явлением в области переводной литературы. Как мастерски сохранен в переводе исполненный комизма и оригинальности язык Гоголя, можно понять из следующего отрывка из окончания первой сцены первого акта», — писал Михайлов, не удержавшийся от того, чтобы не привести этот отрывок, несомненно по тексту, напечатанному в *Abend Zeitung*.¹

Таковы были первые успехи Видерта по популяризации личности и творчества Гоголя в Германии.

Вторично Видерт уехал за границу в конце марта 1854 г.; очевидно, хлопоты его в Петербурге и Москве не увенчались успехом, и он возвращался в Германию, где на этот раз ему пришлось прожить еще большее количество лет, — до 1857 г. О времени отъезда Видерта из России мы узнаем из неизданного его письма к Я. П. Полонскому, находившемуся в то время в Варшаве. Приводим это письмо полностью по подлиннику, сохранившемуся в архиве Я. П. Полонского,² так как оно дает некоторое представление о литературных связях Видерта и о тех настроениях, с которыми он вновь отправлялся в чужие края:

Москва, марта 19, 1854

Получили ли Вы, любезный Яков Петрович, посылку из Петербурга на мое имя? Сберегите ее до моего приезда. Я думал гораздо раньше быть в Варшаве, но собственная лень и неаккуратность некоторых приятелей задерживают меня. Однако я уже взял билет в почтамте и 26 числа отправляюсь, так что я около 30 или 1-го буду в Варшаве. Если Вы до этого времени уедете, то отдайте эту посылку в одну из немецких книжных лавок — Глюксберга или Зенневальда с надписью: *einzuhandigen Herrn von Viedert* и опишите им на всякий случай мою физиономию. Обе лавки кажется находятся на Медовой улице. Эта посылка содержит в себе 3-ий номер Отеч. Запис. и Современника. Остальные номера мне вышлют за границу.

Дружинин и Григорович в Москве, я увижусь с ними завтра у Ростопчиной.³ Михайлов, говорят, болен. Щербина Вам кланяется и уверяет,

¹ М. Л. Михайлов, ук. соч., стр. 12.

² Архив Я. П. Полонского в Институте Русской литературы (Пушкинский Дом), АН СССР (шифр: 11 966.LXIX 6.5).

³ Е. П. Ростопчина (1811—1858), подвергшись опале за балладу, в которой аллегорически изображалось политическое угнетение Польши, жила в Москве (с 1849 г.), собирая в своей гостиной московских писателей; здесь бывали Щепкин и Островский, Дружинин и Щербина и т. д. См. Письма к А. В. Дружинину (1850—1863) ред. П. С. Попова, М., 1948, стр. 267—280 (письма 1854 г.); здесь воспроизведена и карикатура Пономарева «Литературный салон гр. Ростопчиной в Москве, 1852 г.» (стр. 287).

что я Вас застаю в Варшаве. Дай бог! Итак я надеюсь, что мне удастся лично сообщить Вам разные вести из Петербурга и Москвы.

Душевно Вам преданный
А. Видерт.

Отметим любопытную подробность: мартовский номер «Отечественных записок», который Видерт ожидал с таким нетерпением вместе с книжкой «Современника», и был тот самый, в котором напечатана была цитированная выше статья М. Л. Михайлова «О некоторых переводах с русского на немецкий», как мы видели, в значительной степени посвященная переводам Видерта из Кольцова, Лермонтова и особенно Гоголя. Знал ли Видерт об этом, была ли она написана с его ведома, связывал ли он с ее появлением продолжение своих литературных предприятий, в том числе и переводы из Гоголя, — все это нам остается, к сожалению, неизвестным, да и вообще, следы его странствований с конца марта 1854 г. для нас теряются на несколько месяцев. Однако, как только они становятся приметными вновь, Видерт снова предстает перед нами с рукописью своего перевода «Ревизора» в руках.

Из корреспонденции Видерта, посланной им в «Московские ведомости» и напечатанной здесь за полной его подписью в номере от 24 июня, мы узнаем, что этот месяц Видерт провел на Карлсбадских водах. В своей корреспонденции Видерт описывает город, рассказывает о многих примечательных жителях и посетителях этого прославленного курорта и замечает, между прочим: «Из поэтов русских здесь были Фон Визин в 1786 г. (он, говорят, читал здесь свою комедию „Недоросль“) и Гоголь (в 1845 г.). В настоящее время здесь находится князь Вяземский, который уже в третий раз пользуется Карлсбадскими водами».¹ В этой статье, открывшей новую серию его заграничных писем в «Московских ведомостях», Видерт, однако, не упомянул, по естественным причинам, об одной своей неудаче, которая постигла его именно во время пребывания в Карлсбаде в июле 1854 г. Речь идет о его попытке устроить здесь публичное чтение своего перевода «Ревизора», которое было запрещено местными властями. Об этом неудавшемся предприятии Видерта мы узнаем из свидетельства П. А. Вяземского.

Замысел Видерта устроить публичное чтение гоголевского «Ревизора» в своем переводе для жителей Карлсбада, среди которых было в то время довольно много видных деятелей на различных поприщах, в том числе и литераторов,²

¹ «Московские ведомости», 1854, № 75, стр. 310.

² Среди последних, по свидетельству Видерта, находился также издатель журнала «Европа», переводчик Гоголя, Август Левальд.

представляется нам не только интересным, но и очень удачным.

Перевод «Ревизора» был давно готов, но исполнитель не торопился с его опубликованием, настойчиво стремясь прежде всего узнать, какое впечатление он производит на слушателей, каковы действительные качества его переводческого труда, на который затрачено было столько усилий. Мы уже отметили, что Видерт привез этот перевод с собой в Россию и устраивал здесь его чтение в каком-то литературном кружке, в Москве или в Петербурге, в начале 1854 г. Русские слушатели, знавшие немецкий язык, перевод одобрили, как свидетельствует об этом статья М. Л. Михайлова. Насколько естественно было теперь повторить это чтение перед новой аудиторией в городе, где, по преданию, Фонвизин читал своего «Недоросля», где жил некогда и сам автор «Ревизора»? Столь естественное и законное желание переводчика быть может усилено было также и тем обстоятельством, что незадолго перед тем, в апреле 1854 г., «Ревизор» первый раз поставлен был в Париже во французском переводе, в театре «Porte Saint-Martin» и имел скандальный неуспех;¹ все виднейшие французские газеты пространно рассуждали о причинах этого «провала», осуждая то театр, то публику, то автора. Знал об этом и Видерт, упомянувший в одном из своих заграничных писем о том, что французский переводчик «Ревизора», Проспер Мери́ме, «решительно не был в состоянии передать это сочинение». «Комедия эта, — продолжал Видерт, — дана была один раз в Париже, но не имела успеха».² Таким образом, провал «Ревизора» среди парижской театральной публики Видерт относил, прежде всего, за счет неудовлетворительности его французского перевода. Тем важнее для него было определить, как воспримут слушатели его перевод; зарождалось естественное сомнение, можно ли вообще передать великую комедию Гоголя на каком-либо иностранном языке? Несмотря на все это, задуманное Видертом чтение «Ревизора» в Карлсбаде не состоялось по причинам, которые он предусмотреть не мог.

В собрании сочинений П. А. Вяземского напечатан по рукописи, не имеющей даты, но несомненно поздней, диалог, озаглавленный: «Сотрудник одного из журналов и N. N.».

¹ Выдержки из парижских газет об этом спектакле приведены в статье Е. Некрасовой «Гоголь перед судом иностранной литературы» («Русская старина», 1887, кн. 9, стр. 563—566).

² «Московские ведомости», 1854, № 86, стр. 997. — Повидимому Видерт полагал, что «Ревизор» был поставлен в Париже в переводе П. Мери́ме; на самом деле, в театре «Porte Saint-Martin» «Ревизор» шел в другом переводе — Эжена Моро, впрочем еще менее удовлетворительном.

Под *N. N.*, несомненно, подразумевается сам Вяземский, говорящий от своего лица; беседа идет о «Ревизоре». Один из говорящих, журналист, задает своему собеседнику, т. е. Вяземскому, следующий вопрос: «В одном петербургском журнале было замечено с справедливым негодованием, что, например, в Риге ничего не знают о Гоголе и не дают Ревизора на Рижском театре. Что вы скажете на это?» Чтобы правильно понять, как ответил на это Вяземский, следует иметь в виду, что это был уже не тот друг Пушкина, который в пушкинском журнале и с ведома великого поэта поместил одну из первых сочувственных статей о гоголевском «Ревизоре»; это был теперь снительный представитель реакции, остро ненавидевший все прогрессивное в русской литературе и общественной жизни, что возрастало и крепло на его глазах, в недалеком будущем товарищ министра народного просвещения и один из глушителей передовой русской мысли в качестве главы цензурного управления. «Расскажу Вам по этому поводу случай, которого я был свидетелем», — отвечает Вяземский своему воображаемому собеседнику-журналисту и сообщает историю, героем которой является несомненно Видерт, хотя он предусмотрительно и не назван здесь по имени. Место действия — Карлсбад; время, к которому относится описываемый случай, также устанавливается вполне точно: июнь 1854 г.

Вот что рассказывает Вяземский: «...с своей стороны, я очень благодарен немецкому театральному директору, что он не знакомит с Рижскими бюргерами Гоголевского Ревизора. Ревизор — домашняя русская комедия и должна дома оставаться. Известны французская и русская поговорки: черное белье должно мыть семейно, и сора из избы не выносить... Кажется, в 50-х годах приехал в Карлсбад один из наших немецко-русских или русско-немецких литераторов. Он привез с собою немецкий перевод Ревизора и хотел ознакомить с ним немцев на публичном чтении. Он просил содействия моего для раздачи билетов. Я отвечал ему, что русским раздам по возможности несколько билетов, но вовсе не желаю привлекать иностранцев на это чтение. По заведенному порядку, рукопись должна была быть представлена на предварительный просмотр комиссару вод. Этот, по прочтении, возвратил ее переводчику при следующих словах: „Как могли вы думать, что будет вам разрешено публичное чтение подобного пасквиля на Россию? Вы, вероятно, забыли, что Австрия находится в дружественных отношениях с Россиею, и из одних правил приличия и международной вежливости я не могу допустить нарушение этих правил”». «И, скажу вам откровенно, — прибавляет Вяземский, — по мне, комиссар

был прав. Гоголь, пожалуй, и не писал пасквиля, но хорошо, что комедия его показалась пасквилом — иностранцу, и горе нам, если бы он признал в ней картину действительности. Проницательность публики, любящая художеством автора, будет отделять в нем, что есть истина и что плод разыгравшейся фантазии и веселости автора».¹

Не может быть никакого сомнения в том, что поучение подобного рода Вяземский в самом наставительном тоне произнес и самому Видерту. Последний имел, таким образом, возможность сопоставить две противоположных точки зрения на его перевод «Ревизора», высказанные представителями двух лагерей в русском обществе и литературе: М. Л. Михайлов, будущий деятель революционно-демократического лагеря, не только радовался появлению этого перевода, но даже считал возможным произнести ему похвалу в печати, еще до его опубликования; Вяземский сочувствовал запрещению даже публичного его прочтения и вскоре, без сомнения, мог бы и сам оказать реальное содействие его неоявлению в печати, если бы дело шло об его опубликовании с ведома русской цензуры. Печатать перевод в России в 1854 г. было, конечно, невозможно. Даже появление зарубежных переводов произведений подобного рода, в том числе и «Мертвых душ» и тургеневских «Записок охотника», в русских правительственных кругах в эти годы встречалось с тревогой и беспокойством. Крымская война была в полном разгаре; французская и английская журналистика и всячески всяким поводом, чтобы кричать о гнилости русской правительственной системы, о язвах, разъедающих русское общество, а в качестве иллюстраций охотно привлекала соответственным образом искаженные произведения новейших русских писателей-реалистов. Характерно, что в Париже «Ревизор» был переименован и в 1854 г. шел в театре под названием: «Русские, как они сами себя изображают» (*Les russes peints par eux-mêmes*). Тем самым, с точки зрения официальных правительственных кругов, всякий переводчик Гоголя или Тургенева неизбежно становился как бы пособником зарубежных публицистов, злонамеренным лицом, подрывавшим основы самодержавного государственного строя.

Недаром еще в 1856 г. гр. А. Г. Строганов, в то время Новороссийский и Бессарабский ген.-губернатор, писал министру народного просвещения А. С. Норову: «...Я уверен, что если „Ревизор“ и сотни его последователей не произвели еще, благодаря богу, таких печальных последствий для России,

¹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. VIII, СПб., 1883, стр. 317—318.

как творение Бомарше для Франции, то уже в переводе навлекли на Россию много нареканий и лживых суждений за границей».¹

Видерт, однако, не сложил оружие. Он гордился своим переводом «Ревизора», считая его делом, идущим на пользу прогрессивным стремлениям общества и в России и за рубежом, посильной данью памяти великого русского писателя, имя которого он хотел сделать еще более известным в чужих краях; он думал о его будущей мировой славе. Видерт не оставлял мысли не только о том, чтобы напечатать свой перевод, он мечтал о постановке «Ревизора» на немецкой сцене. С этой целью он все время продолжал знакомить с этим переводом своих немецких друзей.

О жизни Видерта в этот период мы, к сожалению, знаем главным образом то, что он сам сообщал о себе в своих заграничных корреспонденциях, поступавших в русские газеты. Одна из таких корреспонденций в «Московских ведомостях» свидетельствует, что еще летом 1854 г. в Берлине Видерт по-прежнему устраивал чтения «Ревизора» в самых разнообразных аудиториях. Так, например, он читал его в доме видной писательницы, Беттины фон Арним.² На этом чтении присутствовали приятель Беттины — Фарнгаген фон Энзе, артист Теодор Дёринг (1803—1878) и многие другие. Вот что по этому поводу рассказывает сам Видерт в письме, написанном на другой день после этого литературного вечера.

¹ «Литературный музеум», под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксманна, П., [1918], т. I, стр. 352.

² Беттина фон Арним (1785—1859) вступила на литературное поприще в середине 30-х годов, издав ставшую вскоре знаменитой книгу «Переписка Гете с ребенком», однако еще в юные годы благодаря мужу (поэту Ахиму фон Арниму, ум. в 1831 г.) и брату Клеменсу Брентано (ум. в 1842 г.) она близко стояла к литературному движению и встречалась со многими выдающимися деятелями немецкой литературы и искусства: В. Гримм посвятил ей свои «Сказки», Бетховен делился с нею своими мыслями об искусстве. В сороковые годы прогрессивные деятели группы «Молодая Германия» ценили ее и как свободомыслящую писательницу, взгляды которой отличались в то время несомненным, хотя и не вполне последовательным радикализмом. В числе близких ее друзей был Фарнгаген, который и представил ей Видерта; о совместном посещении ими Фарнгагена есть записи и в его дневнике. (V a g n h a g e n v o n E n z e. Tagebücher, Bd. 11. Hamburg, 1869, стр. 288). О своем знакомстве с Беттиной фон Арним Видерт рассказал в корреспонденции, датированной: Берлин, 1 июня 1854 г.: «Несмотря на свои семьдесят лет, она еще очень жива. Она привыкла, чтобы ее слушали и потому очень много говорит; третье слово у ней — Гете. Она мала ростом, глаза ее исполнены жизни. Она непрерывно занята изданием сочинений, то покойного брата Брентано, то покойного мужа Ахима фон Арнима, то изданием собственных сочинений. Зимой и летом она живет в Тиргартене, парке возле Берлина».

«Я спросил у Фарнгагена фон Энзе, как он находит эту комедию? "В ней бездна комисма", отвечал он. Беттина фон Арним говорит, что это фарс, но остроумнейший фарс в мире. Она вообще очень интересуется Гоголем и сожалеет, что Гете не успел познакомиться с «Ревизором». Когда я читал у ней эту комедию, там были и другие дамы и девицы. Одна барышня лет шестнадцати сожалела только, что Хлестаков не женится на Машеньке. Вообще барышням более всего понравилась сцена между Добчинским и Бобчинским. Особенно же заинтересовался этой комедией знаменитый берлинский актер Дёринг. Он говорит, что ни одна из его ролей в современных драмах и комедиях не может доставить ему такого наслаждения, как роль городничего в Ревизоре. Он говорит: Вот поэт, так поэт! Он знал, как писать для нашего брата актера! а этого ни один из современных немецких поэтов не знает».¹

Отзыв о Гоголе Дёринга, которого Видерт в другом месте называет «знаменитым актером, пользующимся славой одного из лучших артистов Германии»,² для нас особенно интересен как отзыв профессионала и знатока немецкой драматургии и театра. С Дёрингом Видерт знаком был уже и раньше, посетив его еще в середине октября 1853 г.; и тогда уже их беседа шла об упадке современной немецкой драматургии, об исчезновении крупных комедийных талантов среди артистов немецких театров того времени. «Разговор, — пишет Видерт, — перешел, наконец, к русскому театру. Я выразил мое удивление, что в Дрездене, Лейпциге и Мюнхене не встретил ни одного комика, которого можно бы поставить на ряду с лучшими русскими комиками». На это Дёринг ему ответил: «Во всей Германии едва ли есть комик, которого можно назвать артистом. Хотя и не все они такие шуты, как Редер в Дрездене, однако, нельзя не сказать, что комики вымерли в Гер-

¹ «Московские ведомости», 1854, № 86 (Берлин, 13 июня — 1 июля 1854). — В изданной части дневников Фарнгагена никаких записей его о беседе с Видертом о Гоголе не имеется. Это интересное свидетельство Видерта уже обратило на себя внимание В. И. Шенрока, который, однако, пересказал его своими словами с добавлением самых непонятных ошибок (В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. III. М., 1895, стр. 530): чтение «Ревизора» происходило не у Фарнгагена, не Фарнгаген, а Беттина фон Арним упомянула при этом о Гете, не Фарнгагену говорил о «Ревизоре» Дёринг, а Видерту и т. д. В заключение Шенрок упрекнул С. И. Пономарева, который «в своем образцовом указателе статей о Гоголе впал в ошибку, говоря, будто в статье Видерта идет речь об отзыве французского журнала вместо немецкого» (там же, стр. 530); на самом деле в указанной статье Видерта речь идет об отзыве французского журнала о «Записках охотника» Тургенева и лишь попутно упомянут «Ревизор» в переводе Мерима.

² «Московские ведомости», 1853, № 120, стр. 1320.

мании».¹ Восторженный отзыв Дёринга о «Ревизоре» и, в частности, о роли городничего, особенно его заинтересовавшей, становится особенно понятным при сопоставлении его с вышеприведенной весьма пессимистической оценкой Дёрингом немецкого комедийного репертуара и его сценических исполнителей в начале 50-х годов. Чуткий театральный художник, Дёринг сразу же, после первого восприятия гоголевской комедии на слух, почувствовал насколько превосходит она своими драматургическими качествами все те убогие репертуарные немецкие пьесы того времени, в которых он бесплодно растрчивал свое крупное сценическое дарование. Для видертовского перевода «Ревизора» это был лишний крупный шанс на успех.

Едва ли подлежит сомнению, что о переводе «Ревизора» был хорошо осведомлен также Теодор Фонтане (1819—1898), тогда уже пользовавшийся известностью как поэт и переводчик английских народных баллад, в будущем видный романист. Фонтане, по собственному свидетельству, уже и ранее был знаком с русской литературой² и, конечно, знал о Пушкине, Лермонтове и Гоголе. Видерт упоминает в одной из корреспонденций, что летом 1854 г. он жил у него на квартире;³ прибавим, что это было в то время, когда Видерт окончательно отделявал свой перевод и приступил к его публикации.

Перевод «Ревизора» вышел в свет в Берлине, повидимому в конце июля или в начале августа 1854 г. Это маленькая книжечка в восьмую долю листа, заключающая в себе 86 страниц, отпечатанная убористым шрифтом на серой бумаге и с немалым количеством опечаток. Отсутствие обозначения издателя скорее всего свидетельствует, что книжка отпечатана Видертом в плохой типографии на собственные скромные средства: «Der Revisor. Lustspiel in fünf Acten, nach dem Russischen des Gogol. bearbeitet von August von Viedert (Bühnenmanuscript), Berlin, Druck bei Trovitsch und Sohn». Год издания не обозначен. Время выхода в свет книжки удостоверяет неизданное письмо Видерта к В. П. Гаевскому, молодому литератору, знакомому с Тургеневым и Некрасовым, Григоровичем, Полонским и др.; служивший в то время в Археографической комиссии, Гаевский обратил на себя внимание работами по Пушкину и Дельвигу, близок был к редакции

¹ «Московские ведомости», 1853, № 129, стр. 1329.

² Th. Fontane. Von zwanzig bis dreissig. Berl., 1898, стр. 146 и сл.

³ «Московские ведомости», 1854, № 70, стр. 811.

«Отечественных записок», помогал Некрасову по редактированию «Современника». ¹ Вот что писал Гаевскому Видерт: ²

Русская колония Александровка близ Потсдама
Августа 6/18 1854

Любезный Виктор Павлович,

Священник нашего посольства Василий Петрович Палисадов отправляется сегодня в Петербург. Он берет с собою эту посылку. Может быть он сам съедет к Вам. Вам интересно будет с ним познакомиться. К сожалению он недолго останется в Петербурге.

Как то Вам понравится мой перевод Ревизора? Если хорош, то напишите что-нибудь о нем в «Современнике». Опять обременяю Вас комиссией: разослать остальные экземпляры по их назначению. Тургенева конечно нет в Петербурге и потому прошу Вас передать его экземпляр в редакцию Современника: там знают его адрес. Не знаю, знакомы ли Вы с Михаилом Никифоровичем Катковым. Он кажется теперь в Петербурге, но адреса его не знаю. А. А. Краевскому должно быть известно, где он живет.

Месяца через полтора непременно буду в Петербурге. До свидания. От всего сердца обнимаю Вас

Август фон Видерт.

Как явствует из этого письма, оно сопровождало посылку в Петербург пяти экземпляров только что вышедшего в свет перевода «Ревизора», пересылавшихся Гаевскому с оказией, а не по почте; Видерт имел все основания опасаться, что его книжка, направленная в Петербург обычным путем, либо вообще не попадет туда, либо долго пролежит в иностранной цензуре. Один экземпляр предназначался самому Гаевскому, другой И. С. Тургеневу, третий — М. П. Каткову; к сожалению, остается неизвестным, кому предназначались остальные два; можно лишь высказать предположение, что Видерт направлял их в первую очередь тем лицам, которые были компетентны судить о его качествах и могли отозваться о переводе и в печати. Несомненно, что это была не единственная посылка книги, отправленная Видертом в Россию; он безусловно адресовал также ряд экземпляров своей книги в Моск-

¹ «Литературное наследство», т. 51—52 (Некрасов, т. II, 1949), стр. 189—190; «Красный архив», 1940, № 100 (3), стр. 229.

² Приводим это письмо по подлиннику, хранящемуся в архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде (шифр: Р. I, оп. 4, № 44).

³ В. П. Палисадов (1815—1876), или Полисадов, как он именуется в большинстве источников, был довольно известен русским, путешествовавшим за границей. Окончив Московскую Духовную академию, он одиннадцать лет занимал должность священника при различных русских дипломатических миссиях; в 1853 г. он был из Парижа переведен в Берлин, а в 1854 г. назначен здесь настоятелем русской посольской церкви; вероятно, по поводу этого назначения он и ездил в Петербург. Впоследствии В. П. Полисадов был профессором богословия в Петербургском университете. См. Биографич. словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета, т. I, СПб., 1896, стр. 118—120.

Der Revisor.

Lustspiel in fünf Acten,

nach dem Russischen des Gogol bearbeitet

von

August von Biedert.

(Theatertext.)

Berlin,

Druck von F. G. Schöner und Sohn.

Первый немецкий перевод „Ревизора“ А. Видерта. Берлин, 1854.
(Титульный лист)

ву и вообще старался распространить ее среди большинства знакомых ему русских литераторов. Тем не менее, русская печать обошла этот перевод полным молчанием; несколько весьма сочувственных рецензий появилось лишь в немецкой прессе, но и в Германии этот перевод вскоре был забыт.

5

Свой перевод «Ревизора» Видерт назвал не «переводом», а «обработкой» («nach dem Russischen des Gogol bearbeitet»); кроме того, изданный им текст в подзаголовке книги именуется «Bühnenmanuscript», т. е. «сценическим текстом», редакцией, предназначенной для воспроизведения на сцене.¹ Вопросы о том, как следует толковать эти видимо не случайно выбранные Видертом обозначения, возникают вполне естественно. В самом деле, как далеко простирались сознательно допущенные переводчиком отступления от подлинника? Действительно ли они лишали его права назвать свой переводческий труд *Übersetzung*, *Übertrag* и т. д. и заставили его выбрать термин *Bearbeitung*, как допускающий большую свободу в передаче оригинала? В каком отношении «обработанный» Видертом текст отличался от обычного печатного текста комедии и в чем выразилось приспособление его к требованиям сцены? Следует пожалеть, что, издавая свою книгу, Видерт не ответил сам на эти и подобные им вопросы в каком-либо предпосланном ей предисловии или пояснении для читателей и критиков. Ответы приходится извлекать преимущественно из анализа печатного текста его перевода и сопоставления его с русским оригиналом «Ревизора».

Выше мы уже отметили, что Видерт ставил своей задачей не только приобщить комедию Гоголя к немецкой литературе, но и сделать ее также достоянием немецкого театра; последнее, повидимому, представляло для него особый интерес. Собранные им предварительные отзывы о его переводе, среди которых были и отзывы видных театральные деятелей и непосредственные отклики тех, кого условно можно было бы объединить под наименованием возможных будущих театральные зрителей пьесы, давали ему надежду, что «Ревизор», поставленный в немецком театре в его переводе, привлечет к себе внимание и артистов и зрительного зала. Для

¹ Впрочем, термин *Bühnenmanuscript* мог означать не только «текст, предназначенный для сценического воспроизведения», но и текст, издаваемый для сцены «на правах рукописи», что обеспечивало возможность автору или переводчику получать гонорар от театра, ставившего данное произведение. Мы придерживаемся первого толкования на том основании, что перевод Видерта близок к тому сценическому варианту «Ревизора», который разрешен был для постановки на русских сценах того времени.

того чтобы получить большую в этом уверенность, Видерт и устраивал неоднократные чтения своего перевода еще до его напечатания, проверяя, как воспринимается он немецкими слушателями с голоса, на слух, и непрерывно вносил в него соответственные улучшения. Именно то обстоятельство, что Видерт предназначал свой перевод «Ревизора» для постановки на немецкой сцене, как живое и действенное произведение драматургии, вероятно и заставило его пойти на некоторые, впрочем очень незначительные, отступления от русского оригинала, вполне допустимые с точки зрения переводческого искусства, а в некоторых случаях просто неизбежные и необходимые. С другой стороны, Видерт, конечно, знал, что в его время при постановке «Ревизора» и на русских сценах допускались купюры и кое-какие легкие отклонения от обычного печатного текста, притом далеко не всегда по требованию театральной цензуры; тем естественнее было допустить отклонения подобного рода в тексте, предназначавшемся для немецких артистов и немецких зрителей, вовсе незнакомых со многими своеобразными особенностями русского быта 20—30-х годов XIX в.

В выяснении тех принципов, которых придерживался Видерт в работе своей над переводом «Ревизора» и приспособлением его для немецкой сцены, некоторую помощь могут оказать изложенные им самим теоретические положения о задачах переводов произведений художественной литературы, о творческих приемах переводчиков, о пределах «вольности» в передаче ими чужезычных оригиналов и т. д. Правда, эти положения сформулированы были Видертом не по поводу того, как следует переводить произведения Гоголя и опубликованы были лишь несколько лет после того, как вышел в свет его собственный перевод «Ревизора»; тем не менее, нигде Видерт не высказывался более ясно о том, какие способы переводов он считал желательными и какие представлялись ему недопустимыми; кроме того, в высказываниях Видерта, о которых идет речь, он основывался на собственном переводческом опыте тех лет, которые предшествовали завершению его перевода «Ревизора», и это дает нам право всецело воспользоваться ими для анализа последнего. Мы имеем в виду замечания Видерта о различных манерах передачи на немецком языке «Записок охотника» И. С. Тургенева, изложенные им в пространной рецензии, напечатанной в 1859 г.

Собственный его перевод первой части «Записок охотника», начатый Видертом, как уже было указано выше, около 1851 г., опубликован был в 1854 г.; в 1858 г. он был перепечатан вместе со второй частью «Записок охотника» в переводе А. Больтца. Оба переводчика придерживались совершенно

противоположных принципов, и две части произведения Тургенева, объединенные в одном переплете, ни мало не походили друг на друга; Видерт был задет за живое и в своей статье представил подобный разбор перевода А. Болътца, действительно неудачного, неумелого и к тому же переполненного ошибками.¹

«Всякий переводчик — художник или чернорабочий, добросовестный или скорописец — неминуемо выскажет и собственную физиономию», — писал Видерт в этой своей статье. «И замечательнее всего, что рабски-покорнейший переводчик не столько исполнит желания подлинника, сколько выкажет самого себя. Как бы он ни сидел подобострастно и наострив ухо — покуда подлинник не бросит словцо и не скажет *cherche!* как бы ревностно он ни старался находить то, что ему приказано отыскивать; но он все-таки принесет вовсе не то, за чем его послали. Это то и характеризует слепую покорность, от которой происходят все неладицы в мире. Оттого то законный порядок часто нарушается, что обязанности большею частью исполняются не душевной охотой, не ясновидящим сознанием, а машинально, слепую покорностью. Именно тому переводу, который кажется таким послушным рабом подлинника, менее всего удастся выполнить свою обязанность».²

Главной ошибкой Болътца Видерт считал грубую дословность в переводе русского текста; он резко критикует «буквализм» этого перевода, который подчиняется подлиннику настолько, что намеренно оставляет непереуведенными многие русские слова (десятина, чубук, оброк, четверть, кнут, дуга, русалка и т. д.). Болътц «неудовлетворителен в тех частях своего перевода, которые оставил непереуведенными»: это не

¹ «Московское обозрение», 1859, кн. I, Современная литература, стр. 76—85. — Что эта анонимная статья принадлежит А. Ф. Видерту, удостоверяет близко стоявший к редакции этого недолговечного журнала К. Н. Бестужев-Рюмин. В специальной статье, посвященной «Московскому обозрению», Бестужев-Рюмин объяснил причины, заставившие редакцию печатать все статьи без подписей авторов и признал даже, что это явно содействовало неуспеху журнала; к своим воспоминаниям о «Московском обозрении» он приложил перечень всех авторов, здесь сотрудничавших, и опубликованных ими статей. (К. Н. Бестужев-Рюмин и н. Московское обозрение, «Библиограф», 1893, вып. 1, стр. 42—45; ср. его же, Воспоминания (до 1860 года). СПб., 1900, стр. 55—57). Как принадлежащая Видерту, та же статья указана и в других источниках, основанных на сведениях, сообщенных им самим; см., например, перечень печатных работ А. Видерта, приложенных к биографической заметке о нем в книге: Петр Виноградов. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии. М., 1888, стр. 194, с ошибкой в номере журнала.

² «Московское обозрение», 1859, кн. I, стр. 77—78.

перевод, а переписывание русского текста иностранным алфавитом; «весь его перевод, — иронизирует Видерт, — так же близок к подлиннику, как тот, в котором выражение *qui a été saopisé* переведено: был расстрелян пушками»; «г. Болтин напоминает буквальностью своею того известного русского переводчика, который переводил известного французского писателя Павла Петухова» (т. е. Поль де Кока). Видерт предупреждает, что переводчики обоих томов «Записок охотника», коим лишь переплетчик придал наружное единство, действовали на основе совершенно противоположных принципов: «Первый том старается передать дух „Записок охотника” (Видерт говорит о своем переводе), второй — слова; первый хочет поделиться с немецким читателем, не знающим порусски, тем впечатлением, которое на самого переводчика произвел подлинник, второй, напротив, предполагает в читателях своих знание русского языка или, по крайней мере, силится пересоздать немецкого читателя в соотечественника подлиннику» и т. д.

Отрицательные суждения Видерта, таким образом, дают нам представление и о его собственной положительной программе, о тех требованиях, какие он предъявлял к труду переводчика, о тех принципах, которые положены были им в основу его собственного опыта передачи на немецком языке «Записок охотника» и которым он в еще большей степени следовал затем и при переводе «Ревизора».

Задача переводчика, как ее Видерт понимал в данном случае, заключалась не в том, чтобы сохранить в переводе все слова русского подлинника, но в том, чтобы сохранить и воспроизвести средствами другого языка их «общий дух, колорит, тон». В переводе не должно было быть никаких установок на чужезычность; переводчик обязан был исходить из того предположения, что язык, с которого он переводит, читателям его неизвестен и чужд и что любая попытка воспользоваться в переводе одному этому языку присущими особенностями неизбежно расценена будет читателями, как неудачная или неуместная, ненужная или непонятная. Максимально приблизить перевод к своеобразной структуре и ресурсам того языка, на который он сделан, — вот в чем должна была состоять, по мнению Видерта, важнейшая забота переводчика, если, — прибавлял он, — этот переводчик не хочет быть простым ремесленником, «лишенным свободы и силы духа, главных условий творческой фантазии»; подобному переводчику-копировщику, никогда не удастся воссоздать «поэзию подлинника», ее «тон» и «колорит».

В рассуждениях Видерта о том, как не следует переводить рассказы Тургенева (обильно иллюстрированных вполне убе-

дительными примерами из перевода того же А. Болъца), много верных наблюдений и тонких замечаний, с которыми нельзя не согласиться и в настоящее время; всего интереснее для нас, однако, одушевляющая их общая мысль. Для середины 50-х годов XIX в., в особенности в применении к задачам, вставшим тогда перед переводчиками на иностранные языки русской реалистической прозы, основные теоретические положения Видерта представляли безусловный интерес новизны. В эти годы перед уже довольно многочисленными переводчиками с русского языка, трудившимися в различных западноевропейских литературах, в том числе и в немецкой, — не мог не возникать и становиться все более злободневным тот вопрос, который зарубежной критикой не снимался с очереди в течение всего этого столетия: как, с помощью каких новых приемов следует переводить те произведения русского художественного слова, в которых с невиданной прежде полнотой и сочностью передачи воспроизводилась русская устная речь, полновесно звучал живой разговорный язык, отступавший от традиционной гладкой книжной речи, в которых выразительные средства русского языка непрерывно усиливались новыми, еще неизвестными словарям и руководствам к его изучению, лексико-фразеологическими формами. Простейшие, элементарные правила, которыми пользовались ранее переводчики на иностранные языки произведений русских писателей, становились теперь или недостаточными, или несостоятельными вовсе. Впрочем, затруднения этого рода еще только начали понимать наиболее чуткие переводчики-художники, мастера своего дела; они и не предлагали пока сколько-нибудь удовлетворительных решений проблемы; немецкая литература таких переводчиков с русского языка в те годы еще не знала, да и распространение этого языка среди немецких литераторов было еще тогда сравнительно незначительным.

А. Болъц, переводы которого были подвергнуты Видертом суровой, но вполне справедливой критике, не только недостаточно знал русский язык,¹ но очевидно не понял также, что «Записки охотника» принадлежат к числу именно тех произведений новейшей русской литературы, которые нельзя переводить старыми способами, слово за словом, буквально, педантически пользуясь словарями и правилами грамматики,

---

¹ А. Болъц, между прочим, являлся автором «Учебника русского языка» (Berlin, 1852), подвергшегося критике на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (1853, № 119, стр. 489—490). О своем личном знакомстве с Болъцем Видерт рассказал в «Московских ведомостях» (1854, № 70,) в корреспонденции из Берлина от 1 июня 1854 г. (стр. 811).

но упуская из виду живую стихию народной речи. Как известно, язык «Записок охотника» на первых русских читателей этого произведения производил впечатление большей свежести и оригинальности, что вовсе ускользало от переводчиков или доходило до их сознания в весьма ослабленном виде; очень трудной задачей являлось удовлетворительно передать средствами любого иностранного языка тургеневские рассказы от первого лица, превращающиеся нередко в задушевную беседу с читателем, в стилистическом отношении непрерывно уклоняющуюся от традиционной русской книжной речи и оживляемую то провинциализмами, то техническими выражениями, заимствованными из словаря охотников и сельскохозяйственной практики среднерусской полосы. В «Записках охотника» «на первый план выдвигается разговорный язык и вместе с ним богатое лексическими и морфологическими запасами живое просторечие города, помещичьей усадьбы и русской деревни», — справедливо замечает В. И. Чернышев. По его мнению, мастерство, с которым Тургенев смог воспользоваться в своем произведении русским разговорным языком, «придает особую выразительность и силу „Запискам охотника“ и делает их одним из самых значительных памятников и образцов русского слова».¹

Если перевод «Записок охотника» представлял специфические трудности, то задача передать средствами любого иностранного языка произведения Гоголя была неизмеримо более трудной: грубая и плоская дословность их передачи не могла быть терпима вовсе или оказывалась губительной для восприятия подобных переводов иностранными читателями; нечто подобное случилось с ранними немецкими переводами из Гоголя, в частности, с первым переводом «Мертвых душ» (1846). Произведения Гоголя представляли чрезвычайные трудности даже для искуснейших переводчиков, в особенности если они были в состоянии понимать до конца его тончайшее словесное мастерство, его самобытный юмор, не имеющий никаких аналогий в иностранных образцах, все впервые открытые им новые словесные приемы комического. Передать в переводах драматических произведений Гоголя наличие особых интонационных линий разных речевых стилей у большинства действующих лиц, суметь средствами чужого языка воспроизвести такие особенности русского текста, каковы, например, непроизвольно возникающие добавочные смысловые оттенки из неожиданных словосочетаний или комические сдвиги разных семантических плоскостей, найти, наконец, удачные аналогии

¹ В. И. Чернышев. Русский язык в произведениях И. С. Тургенева. Известия АН СССР, ООИ, 1936, № 3, стр. 473—475.

отдельным «метким словам» Гоголя, существующим с трудом и почти выдыхающимся, умирающим вне питающей их живой стихии русской речи, если они вставлены в иностранный контекст без соответствующего примечания, — все это требовало труда, искусства, творческого мастерства.

И. Мандельштам в свое время справедливо замечал: «Положительно можно сказать, что у гоголевских лиц есть такие слова, для передачи которых на другом языке потребовались бы целые строки комментариев».¹ Сделать переведенный из Гоголя текст настолько живым в своем естественном звучании, чтобы он не только не требовал никаких ученых пояснений, но был бы в состоянии воздействовать на аудиторию вне книги, с театральных подмостков, чтобы он являлся первоосновой творящегося здесь сценического образа, — такова была задача, которую можно было разрешать лишь постепенно, с помощью повторяющихся, постоянно возобновляемых экспериментов. Едва ли эта задача по отношению к «Ревизору» в полной мере удовлетворительно разрешена еще в настоящее время, в какой угодно литературе, на любом зарубежном языке.

В своем переводе Видерт произвел такой первый эксперимент с «Ревизором» в немецкой литературе, и его следует признать в общем удавшимся. Естественно, что далеко не все в этом переводе равноценно, вызывает безоговорочное признание; есть в нем и неровность, и спорные места, и явные срывы; несмотря на это, перевод Видерта следует считать одним из лучших переводов «Ревизора» на иностранные языки, выполненных в XIX в. Никому из последующих немецких переводчиков этой комедии Гоголя, во всяком случае, не удалось с такой полнотой воссоздать на немецком языке сумму всех ее основных художественных качеств.

На первый взгляд может показаться несколько странным, что в 1854 г., после смерти Гоголя, Видерт воспроизводил в своем переводе не окончательную авторскую редакцию «Ревизора», впервые опубликованную в 1842 г., а близкую к первоначальному изданию 1836 г., так называемую «сценическую редакцию» комедии. Указанный недостаток перевода, значительно ослабляющий его значение в наше время, нельзя, однако, относить к числу невольных, случайных упущений переводчика; напротив, мы думаем, что выбор Видертом для перевода именно этого, а не полного и лучшего текста комедии, был намеренным и вполне сознательным актом. Хотя в начале 50-х годов Видерт, естественно, не мог знать всю исто-

¹ И. М а н д е л ь ш т а м. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902, стр. 321.

рию сложной шестнадцатилетней работы Гоголя над текстом «Ревизора» с той полнотой и подробностью, с какою мы знаем ее сейчас, но он не мог не знать о том, какие глубокие различия существуют между печатными текстами «Ревизора» 1836 и 1842 гг., так как об этом знали все современники Гоголя и об этом неоднократно писалось и в русской печати. Странный выбор для перевода архаического и несовершенного текста, следовательно, необходимо объяснять другими причинами.

Как человек, всегда интересовавшийся театром и театральной жизнью, Видерт, однако, не мог не знать также о своеобразной судьбе «Ревизора» на русских сценах: существовал продолжавшийся долгие годы разрыв между как бы окаменевшей ранней «сценической редакцией» пьесы, т. е. текстом, разрешенным к постановке театральной цензурой, и непрерывно развивавшимися и совершенствовавшимися Гоголем до 1842 г. печатными редакциями; для последних путь на русскую сцену был закрыт в течение нескольких десятилетий; в результате русский театральный зритель много лет подряд мог слушать комедию со сцены не в том тексте, в каком он читал ее в «Сочинениях» Гоголя, а в урезанном и исковерканном виде. Известно, что в Петербурге лишь в 1870 г., в Москве только в 1882 г., перестали играть «Ревизора» по сценическому тексту 1836 г.¹ «До 1870 года, — отмечает С. С. Данилов, — „Ревизор“ игрался в Александринском театре по первоначальному сценическому тексту, настолько отличному от общеизвестной редакции, что критика, не учитывая этого, постоянно упрекала актеров в мнимых „отсебятинах“. Только 2 октября 1870 г. в бенефис П. И. Зуброва на Александринской сцене впервые прозвучал „канонический“ текст „Ревизора“, был произнесен знаменитый монолог „Чему смеетесь?“ и появилась унтер-офицерша».²

Можно думать, что именно это обстоятельство и оказалось решающим для Видерта: он выбрал для перевода редакцию «Ревизора», разрешенную русской театральной цензурой, прежде всего потому, что считал такую визу своего рода гарантией для возможной постановки своего перевода и на берлинской сцене. При наличии весьма дружественных в 1854 г.

¹ Л. В. Крестова. Комментарий к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», М., 1933, стр. 5.

² С. С. Данилов. «Ревизор» на Александринской сцене Л., 1936, стр. 6—7.—В Москве «Ревизор» в окончательной редакции шел впервые в «Народном театре» на Политехнической выставке в 1872 г., однако этот спектакль был вскоре запрещен мин. внутр. дел. Ср. статью С. С. Данилова «Сценическая история „Ревизора“» в кн. «Ревизор. История театра в иллюстративных материалах», изд. Лен. Гос. акад. театра драмы. Л., 1936, стр. 26.

связей, династических и политических, между русским и прусским дворами, мысль об этом была вполне естественной; реакционная Пруссия откровенно подражала действиям русского самодержца Николая I даже в мелочах: пьеса, разрешенная к представлению в России, могла беспрепятственно ставиться и в Берлине. Именно так, думается, нужно толковать и намеренно поставленное Видертом на титульном листе изданного им немецкого «Ревизора» обозначение: Bühnenmanuskript; кое-кто мог воспринять его в Берлине как своеобразное свидетельство «благонамеренности» предприятия и тем самым облегчить дальнейшее продвижение «Ревизора» в репертуар берлинских театров. Не забудем при этом рассказанный выше эпизод о запрещении публичного чтения «Ревизора» в Карлсбаде и о тех наставлениях, какие пришлось тогда выслушать Видерту от П. А. Вяземского.

Любопытно в связи с этим отметить, что в 1854 г. в Саксонии среди демократически настроенных литераторов, находившихся в оппозиции к русской правительственной верхушке, распространился даже слух, что появление видертовского перевода «Ревизора» в столице Пруссии имеет своего рода политический смысл. Влиятельный лейпцигский либеральный еженедельник Роберта Прутца «Deutsches Museum», оповещая своих читателей о выходе в свет «Ревизора», переведенного Видертом, писал, между прочим: «То обстоятельство, что автор этого перевода недавно устроил его публичное чтение для берлинской публики, вызвало у многих подозрение, не являлось ли это спекуляцией, рассчитанной на те руссофильские круги прусской столицы, которые еще слишком здесь сильны».¹ Не подлежит никакому сомнению, что под «руссофильскими кругами» здесь имеются в виду официальные представители реакционной Пруссии, слишком откровенно ориентировавшиеся на внешнюю и особенно внутреннюю политику русского царя, как на образец, достойный подражания. Опасения, следовательно, были продиктованы вопросом, не является ли игоголевский «Ревизор» апологией самодержавия? «Однако, — с удовлетворением отмечает анонимный критик этого журнала, — достаточно было бросить беглый взгляд на книгу, чтобы удостовериться, насколько необоснованно было такое подозрение».²

Самый перевод «Ревизора» на того же критика произвел вполне благоприятное впечатление. Комедию Гоголя он несомненно читал первый раз; он сделал несколько критических

¹ «Deutsches Museum». Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben, hrsg. von Robert Prutz, 1854, № 34, стр. 292.

² Там же, стр. 292.

замечаний по ее адресу, — например, относительно легковерия выведенных в ней чиновников, которое представилось ему почти неправдоподобным, но тут же отметил, что «острота ее характеристик, живость и правдивость диалога» кажутся ему «непревзойденными» (unübertrefflich): «Этот городничий, со своею женою и дочерью, этот попечитель богоугодных заведений, этот уездный судья, этот почтмейстер, эти близнецы-помещики, сующие всюду свои носы любопытных и перехватывающие друг у друга каждое слово прямо изо рта, вплоть до грубого, бесстыдного Осипа, слуги мнимого ревизора, трактирного слуги и остальных второстепенных действующих лиц, — какая жизнь в них во всех! Как явственно выступают перед нами эти фигуры, несмотря на свои чуждые костюмы и варварские имена, все столь же знакомые, как если бы мы их уже видели где-либо! Даже „уездный лекарь Гюбнер, немец“, который лечит больных, не понимая ни одного русского слова и отвечает на все бесчувственным ворчанием, является великолепным созданием, сколь ни мало лестного заключается в нем, во всяком случае, для нашего национального сознания...» Критик считает, что перевод «Ревизора» сделан Видертом «виртуозно» (ist mit der Virtuosität bearbeitet) и что переводчик уже заслужил похвалы своему мастерству за те его образцы, которые ранее печатались на страницах того же «Немецкого музея». Видерту брошен лишь один упрек, — за чрезмерное, по мнению критика, пользование при переводе «Ревизора» «провинциализмами»: при употреблении их переводчик «должен был бы быть несколько более экономным»; «последние, разумеется, служат главным образом для того, чтобы повысить верность и живость диалога, но должны употребляться с осторожностью, чтобы не слишком часто докучать читателю».¹

Из цитированного отзыва следует, что перевод «Ревизора» был явлением не вполне обычным в немецкой литературе, что он безусловно доводил до сознания немецких читателей многие особенности гоголевского текста, что живость его диалога и яркость его характеристик воспринимались читателями отчетливо, несмотря на естественное ослабление этих качеств при передаче комедии на немецком языке. Критику показались, однако, «варварскими» имена действующих лиц, а

¹ «Deutsches Museum», 1854, № 34, стр. 292—294.—Автор этой рецензии скрылся под псевдонимом N.; не исключена возможность, что им был сам редактор, Роберт Пруц (1816—1872), один из видных прогрессивных литературных деятелей 40—50-х годов, бывший, между прочим, автором одной из лучших немецких политико-сатирических комедий того времени («Die politische Wochentube»).

с другой стороны, представилось неуместным чрезмерное количество в их речах тех элементов, какие он называет «провинциализмами», а мы предпочли бы скорее назвать разнообразными формами живой немецкой разговорной речи того времени. Эти замечания критика представляют для нас интерес потому, что они сделаны не только без всякой сверки перевода с оригиналом, но и без всякого представления о последнем: критика менее всего интересуется вопросом, как, собственно, должны переводиться подобного рода произведения; он не исходит при этом и из теоретических требований, предъявляемых к переводчику с точки зрения законов и правил переводческого искусства; таковых для него просто не существует. «Виртуозные», с его точки зрения, качества передачи гоголевского текста несомненно имеют в виду не оригинал, бывший для него недоступным, а немецкий язык перевода в первую очередь; он подошел к «Ревизору» почти так, как подошел к произведениям немецкой литературы.

Видерт, как мы уже отмечали, несомненно предвидел некоторые возможные возражения критики и постарался, прежде всего, освободить свой перевод от какой-либо установки на чужезычность. Ради того, чтобы перевод его не звучал, как иноземное и труднодоступное для восприятия, непривычное произведение драматического искусства, он пошел даже на некоторые замены и сознательные отступления от подлинника. Он не воспроизвел, например, полностью, на всем протяжении текста, привычные только в русском быту обращения — по именам и отчествам, понимая, насколько чуждыми явятся для немецкого слуха все эти Аммосы Федоровичи, Артемии Филипповичи, Христианы Ивановичи, Анны Андреевны и Марьи Антоновны. Но Видерт пошел и дальше: он заменил даже некоторые имена действующих лиц. Критику «Немецкого музея» имена эти показались «варварскими»: Видерт, вероятно, именно этого и добивался. «Варварскими» они представились немецкому критику, повидимому, вовсе не по своему необычному звучанию, а потому, что, переделывая их на свой лад, Видерт пытался передать немецкому читателю более привычными для него звукосочетаниями некие присущие этим именам и фамилиям смысловые оттенки, аналогичные тем, какие вызывают они и у русских читателей; эти порождаемые ими смысловые ассоциации — косвенные намеки на характерные черты или качества действующих лиц — и представились немецкому критику грубыми, вульгарными; в противном случае, в своей обычной русской форме они могли звучать для немецкого читателя просто как ничего собою не выражающие иностранные фамилии.

Комизм гоголевских имен, выбранных им с глубоким искусством и после долгой авторской шлифовки, основан зачастую на таких сложных комплексах языковых ощущений, которые не могут быть переданы иностранному читателю с помощью самых многословных комментариев. Почти невозможно объяснить такому читателю, почему смешна двусложная фамилия городничего—Сквозник-Дмухановский—и в силу каких причин она явно выразительнее и язвительнее той, которая стояла в более ранних рукописных редакциях «Ревизора», — Сквозник-Прочуханский; едва ли с полной уверенностью можно утверждать, что сохраненная Гоголем во всех редакциях комедии двучленная структура этой фамилии комически подчеркивает сословно-дворянское происхождение ее носителя,¹ что комизм обоих компонентов этой фамилии в ее последней форме объясняется их синонимической близостью, поскольку Дмухановский может объясняться «от украинского дмухати — дуть, намек, быть может, на „продувной, плут” и под.»² Из затруднений подобного рода и возникал перед переводчиком вопрос, имеет ли он право лишить своего иностранного читателя представления о том, что сфера комического в произведениях переводимого им писателя распространяется вплоть до имен и фамилий создаваемых им персонажей и что эти имена уже заключают в себе то более, то менее уловимые элементы их характеристики, критического к ним отношения или сатирических намерений автора. Поэтому мы думаем, что Видерт поступил вполне последовательно, когда он Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского перекрестил на немецкий лад, назвав его Anton Kwassnick-Dumtatschowski, с явными намеками на «nicken» — наклоняться и «dumm» — глупый, бестолковый. При переделке сохранена двучленность фамилии, подобраны даже близкие к оригиналу звучания, но имя действительно приобрело несколько грубый колорит.

Комизм фамилии Артемия Филипповича Земляники (в первопечатном тексте: Земленика) ассоциативно-звуковой и едва ли подлежит рациональному истолкованию (как и гоголевского Яичницы): возможно, что русского читателя в фамилии этого «очень толстого, неповоротливого и неуклюжего человека», как Артемия Филипповича характеризует сам Гоголь, смешит явное несоответствие сценическому образу его прозвания — словом женского рода с типичным женским окончанием;

¹ Ср. А. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. Ученые Записки Московского Гос. университета, 1945, вып. 128, стр. 128—129.

² Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., т. I, Киев, 1941, стр. 381.

однако этот комический эффект не может быть соответственным образом воспроизведен ни на каком другом языке. Видерт нашел и на этот раз свое остроумное, хотя и далеко не бесспорное решение трудной задачи, назвав его: *Seppelnicke*. В звуковом отношении эта переделка фамилии незначительна; ударение передвинулось на первый слог, сделано легкое улучшение орфографии, в интересах немецкого языка, но эти малозаметные изменения неожиданно открыли возможность нового комического осмысления фамилии, сблизив ее с немецким словом «*Seppel*» — булка. С помощью этого слова Видерт перевел меланхолическое размышление Хлестакова: «Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть с айку». (Д. I, явл. 7).

Видерт, задумываясь над техникой именаречения у Гоголя, не мог знать, что автор «Ревизора», переделывая имена и фамилии своих персонажей от рукописи к рукописи своей комедии до тех пор, пока они не получили окончательный вид, повидимому, последовательно добивался устранения впечатления преднамеренной их иллюстративности, ослаблял слишком очевидные признаки их происхождения от тех или иных качеств или даже профессии их носителей. Так, в ранних рукописях «Ревизора» судья вместо Ляпкина-Тяпкина именовался Припекаев, квартальные имели фамилии Кнут и Погоняев, впоследствии исчезнувшие. Тем не менее живописующие свойства окончательно выбранных автором фамилий все же оставались несомненными; поэтому затруднения переводчика были столь же велики, как и его соблазны — воспроизвести в переводе, где это ему удавалось, комическую характеристичность тех или иных фамилий. Разумеется, это удавалось не всегда, а опыты отзывались порой то наивностью, то примитивностью, то безвкусицей. Ляпкин-Тяпкин в переводе чаще всего именуется просто «судьей»; фамилия Хлестаков осталась неповрежденной и полностью перенесена в немецкий текст, куда попали также и Добчинский с Бобчинским; уменьшительное имя Антоша превращается в немецкое *Topi*, ключница Авдотья — в Олимпиаду; зато ряд фамилий второстепенных действующих лиц, вроде, например, квартальных, Видерт переделал на свой лад, придав им такие смысловые оттенки, которые отзываются весьма устарелой традицией. О гоголевских квартальных в «Ревизоре» Л. А. Булаховский писал: «Без наивной характеристичности, принятой в XVIII веке, нарочиты и все фамилии полицейских и частного пристава: Свистунов (ср. типичный для полицейского свисток), Пуговицын (ср. типичное в „физиономии“ мундира), Ухвертов (фамилия с намеком на „рукоприкладство“ старинной полиции)»

и превратившаяся в нарицательное слово — Держиморда (с намеком на функцию полицейского „держать” и на известный синоним к слову: лицо)». ¹ В переводе Видерта Свистунов назван Schurkinski (безусловно от слова «Schurke» — плут, мошенник, бездельник), Прохоров (Д. I, явл. 4) получил фамилию Schwadronow (от Schwadron, — эскадрон), Пуговицын — Schafkowski (от Schaf — овца или скорее от переносного — глупец, дурак); Держиморда, наконец, превратился в Schnautzenko (от Schnautze — морда, рыло и schnautzen — грубить, ругаться).

Переделал Видерт также фамилию слесарши — Февроньи Петровой Пошлепиной (в окончательном тексте «Ревизора» — Пошлепкина): она именуется у него Pfeffronia Schlappinskaja. Эта переделка довольно наглядно демонстрирует принцип, которому следовал переводчик; при простом переводе коренного слова Пошлепина могла быть названа, например, Klatschinskaja (от шлепать — klatschen), но Видерта, очевидно, интересовало также сохранение звуковой близости переделанных им фамилий к оригинальным, и он предпочел словопроизводство от прилагательного schlapp, имеющего много значений, большею частью пренебрежительного оттенка (вялый, дряблый, ослабленный, отвислый и т. д.), от которого образуются всевозможные фамильярные слова (типа schlappohrig — вислоухий, долгоухий, Schlappschwanz — трус, мокрая курица и др.) С другой стороны, слово «шлепать» — звукоподражательное, имеющее близкие звуковые аналогии именно в германских языках. ²

Той же цели максимального приближения переведенного текста к немецкому читателю (и особенно зрителю) служили допущенные в этом тексте легкие изменения и переделки, — особенно пропуски. Видерт сознательно опускал некоторые мелкие бытовые подробности, так как в противном случае они явно требовали бы комментария; нужно сказать, что эти детали исчезают из перевода незаметно и нисколько не нарушают общего впечатления. Городничий объясняет Хлестакову, что говядину на рынок привозят «холмогорские купцы» (II, 8), у Видерта просто «купцы». Осип размышляет: «Пойдешь на Щукин, купцы тебе кричат» (II, 1); Видерт, естественно, переводит: «пойдешь по торговому ряду...» (Geht man durch die Handlungsgewölbe...) Если Мишка объясняет Осипу, что

¹ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. I. Киев, 1941, стр. 380—381.

² А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. «Труды Института русского языка», т. I, М., 1949, стр. 99.

дома есть только «щи, каша да пироги», Видерт переводит: «Kohlsuppe und Grütze», опуская пироги, да и в самом деле, каким немецким словом мог он передать название этого любимого русского кушанья? Eine Russische Pastete, как «пирог» в 40-50-е годы предлагал переводить известный четырехязычный словарь Ф. Рейфа?

Иногда, впрочем, в переведенный текст вносились незначительные дополнения. Фраза Хлестакова «Мне Смирдин сорок тысяч дает в год» (III, 6) конечно требовала пояснения, и Видерт переводит: «...Смирдин, книготорговец». Характерно, впрочем, что Видерт сохранил аналогичную подробность в словах Хлестакова: «Платье заказываю у Руча, триста рублей за пару» (Ich lasse meine Kleider bei Rutsch machen. dreihundert Rubel der Anzug); было совершенно ясно, что речь идет о фамилии портного. В той же сцене Хлестаков хвастается: «Моих впрочем много есть сочинений: Женитьба Фигаро, Сумбека. Вот и Фенелла мое сочинение» (III, 6). Видерт перевел: «Figaro's Hochzeit, Robert der Teufel, Norma. Auch die Stumme von Portici ist von mir». Из перевода исчезла «Сумбека», так как это название ничего не говорило немецкому читателю, но прибавлены названия популярных опер Мейербера («Роберт Дьявол») и Беллини («Норма»). Видерт имел полное право на эти изменения. Опера Мейербера упомянута в тексте «Ревизора» в другом месте, в сценической ремарке о Хлестакове (II, 3): «Насвистывает сначала из Роберта, потом: не шей мне, матушка, а наконец, ни сѐ, ни то» (в переводе: Pfeift erst aus Robert den Teufel, dann ein Gassenhauer, zuletzt werden seine Melodien unverständlich, т. е. «насвистывает сначала из Роберта Дьявола, потом уличную песню, наконец мелодии его становятся непонятны...»); если, таким образом, Хлестаков мог насвистывать арию из популярной романтической оперы Мейербера, он мог и назвать ее. Стоит подчеркнуть, что указание на оперу Беллини «Норма», впервые поставленную в Петербурге в 1837 г., в монологе Хлестакова появилось только в окончательной редакции «Ревизора» 1842 г. и что Видерт, следовательно, имел последнюю под рукою; во всех более ранних редакциях (включая 2-е изд. 1841 г.) стояли «Фенелла», опера Обера и «Сумбека», модный балет Блаша — два произведения, вызвавшие серьезные цензурные недоразумения в Петербурге и поэтому очень известные столичным зрителям, на что и хотел намекнуть Гоголь. Опера Обера называлась именно так, как она названа переводчиком, т. е. «Немая из Портичи», — под таким заглавием она и была известна на Западе; в Петербурге она была разрешена к представлению.

после существенных переделок и изменений действующих лиц, под заглавием «Фенелла».¹

Наибольшую трудность для переводчика в тексте «Ревизора», естественно, должны были представлять обильно представленные здесь идиоматические выражения, фразеологизмы, свойственные лишь русскому языку, просторечные слова и т. д. Буквализм, попытки переноса в немецкий текст точных значений отдельных русских слов были бы совершенно невыносимы; переводчику необходимо было для передачи общего смысла целых предложений искать соответствующие немецкие эквиваленты.

Видерт не отказывался от введения в свой перевод соответствующих русским фразеологическим сочетаниям немецких фразеологизмов, когда они существовали в действительности; русское «держат ухо остро», имеет, например, точную в метафорическом отношении аналогию в немецком языке в выражении «die Ohre spitzen».² Видерт воспользовался этой аналогией при передаче слов Хлестакова (III, 6).

Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только уж у меня прошу не так, уж теперь ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро держите! Я уж...

Gut, sagte ich, meine Herren, ich übernehme das Amt, aber bei mir heißt's aufgepaßt, die Ohren steif gehalten, mit mir wird nicht gespaßt.

Однако, приняв твердое решение не калькировать русский текст, Видерт порой отказывался даже пользоваться имеющимися в немецком языке точными соответствиями тем или иным русским фразеологизмам, если эти соответствия отсылались книжностью, не соответствовали стилю и строению пересоздаваемой им речи, чувствовались в немецком языке как инородный элемент. Русскому метафорическому выражению «бросать камешки в чей-либо огород» есть близкое соответствие в немецком: «Steine in den Garten werfen»;³ тем не менее, Видерт отказался воспроизводить его в словах городничего: «Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают»

¹ Н. В. Дризен (Драматическая цензура двух эпох, П., 1917, стр. 13, 14, 17, 31—38) приводит много данных относительно цензурных затруднений при постановках «Сумбеки» и «Фенеллы». Упоминание «Сумбеки» в «Ревизоре» напоминало жителям Петербурга о запрещении этого балета в 1832 г. по личному распоряжению Николая I, который нашел «нецелесообразным разные волшебства 3 акта с 4 актом, где выведен на сцену российский царь»: об этом предписании много говорили в Петербурге, но балет был все же поставлен после значительных переделок.

² М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896, изд. 2-е, стр. 468.

³ М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. Изд. 2-е, стр. 515, наряду с немецким здесь указано и французское выражение: «Il jette des pierres dans mon jardin».

(III, 5) и перевел по-своему: «Aha! wir wissen schon, wo das hinaus will...» Мы думаем, что он поступил правильно; употребленный им здесь немецкий разговорный оборот в словах городничего звучит уместнее, естественнее и с большим смыслом (ср. «...Wo denkst du hinaus» — что ты задумал, что у тебя на уме, какое имеешь намерение), чем звучало бы книжное в немецкой речи выражение «бросать камни в сад».

Излишне напоминать, что реплика городничего говорится им «в сторону» и что она имеет в виду вопрос Хлестакова «нет ли у вас тут таких обществ, где бы можно было например этак поиграть в карты?» Вслух городничий, конечно, отвечает что «здесь и слуху нет о таких обществах». Задача переводчика, следовательно, состоит в том, чтобы суметь передать две различные манеры в речи городничего, говорящего с Хлестаковым, — вслух и про себя. В первом случае городничий говорит языком, приличествующим начальнику уезда, официальным, гладким, с подчеркнута книжными словосочетаниями. Речь его «в сторону», т. е. с самим собой, лукавая, прерывистая, говорящаяся без всякого умысла, выбалтывающая вслух сокровенные мысли, напротив того, полна идиоматизмов, фамильярности, особой интонационной выразительности. Комизм ситуации, резко усиленный двумя стилистическими планами в речи одного действующего лица, основан на том, что оба говорящих — Хлестаков и городничий — превратно понимают друг друга; в слова, говорящиеся вслух, оба они вкладывают свой особый смысл, основанный на заблуждении, иллюзии. «Здесь Гоголь творчески использовал в качестве выразительного средства определенные условия реализации речевого общения, „механику“ осмысления чужих слов, технику понимания речи... Простейший случай непонимания возникает тогда, когда мы вставляем слова собеседника в другой внутренний контекст». ¹ Весь комизм ситуации пропадет, если переводчик «Ревизора» не учтет и не постарается воспроизвести средствами своего языка семантическую двусмысленность почти каждого слова в речи говорящих между собой городничего и Хлестакова при наличии в ней нескольких — не менее четырех — ясно выраженных стилистических манер (речи обоих говорящих «вслух» и «про себя»), границы между которыми непрерывно колеблются во время беседы.

Указанная выше реплика городничего из 5-й сцены III акта продолжает ту словесную игру между городничим и Хлестаковым, которая в комедии началась актом ранее, в знаменитой сцене (II, 8) их первого знакомства и беседы, написанной с тончайшим и совершеннейшим искусством словесного мастерства.

¹ В. Гофман. Язык литературы. Л., 1936, стр. 329—330.

Весьма поучительно отдать себе отчет в том, как справился с этой сценой Видерт в своем переводе. Нам представляется, что он достиг цели, найдя соответствующие немецкие эквиваленты для фамильярно-идиоматических фразеологизмов в словах городничего и сумел воспроизвести меняющиеся языковые стили в беседе его с предполагаемым ревизором; разумеется, впрочем, что Видерт дал не единственно возможные решения трудной задачи; тем не менее его перевод очень искусен и обнаруживает полное понимание того направления, в каком следовало вести поиски.

Словесная игра между городничим и Хлестаковым начинается с первых же реплик указанной сцены. «Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо. Подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто мы совсем не знаем, что он за человек», — говорит «про себя» городничий. Немецкие переводчики «Ревизора» (впрочем, и не только немецкие), переводя эти слова городничего, обычно пропускали идиоматизм: «подпустим и мы турусы», на том основании, что общий смысл данного места вполне сохраняется и после изъятия трудно переводимой фразы. На самом деле в этой фразе находится своего рода опорный пункт для всех дальнейших недоразумений между городничим и Хлестаковым; выражение «подпустить турусы» на языке городничего означает: «буду говорить одно, а думать другое» и, следовательно, настраивает читателя и зрителя на правильное восприятие того, что он будет говорить «в сторону» и обращаясь к Хлестакову; кроме того, слова «подпустить турусы», т. е. «говорить вздор, болтать попусту, врать, не смущаясь»,¹ заключают в себе определенный оценочно-стилистический смысл: из них следует, что ходульная, напыщенная официальная речь представителя власти в уезде будет скрывать за собой явную ложь; подлинные его мысли, выраженные в типичных для него лексико-синтаксических формах следует искать только в сценически условных речах «в сторону». В этой сцене городничий, таким образом, играет как бы двух людей, с двумя присущими им и резко противостоящими друг другу стилистическими манерами своей речи. Может ли переводчик или актер не воспользоваться этим важнейшим во всем замысле сцены указанием автора, открывающим широчайшие возможности для истолкования и сценического воплощения образа данного действующего лица?

Неудачно перевел указанные слова городничего и Видерт: «Gut. Thun wir auch als ob wir nicht Kix nicht Mix verstünden.

¹ О слове «турусы» и его происхождении см. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Труды Института русского языка, т. I, М.—Л., 1949, стр. 21.

als ob wir nicht wüsten, wer er eigentlich ist». Выражение «подпустим и мы турусы», как видим, осталось непереуведенным, исключено из немецкого текста; тем не менее Видерт ясно почувствовал, что этим выражением закладывается основа и для дальнейших речей городничего с самим собою, определяется их стилистическая природа, и постарался оттенить это введением в переводный текст немецкого идиоматизма. Подобные же идиоматизмы не исчезают в переводе из речи городничего и дальше; как и в русском тексте, они становятся даже более многочисленными.

Чем сильнее нарастает удивление городничего, чем превратнее понимает он каждое следующее слово Хлестакова, чем более крепнет его убежденность, что перед ним настоящий ревизор, чем очевиднее, наконец, представляется ему его собственная проницательность и догадливость, тем реплики его становятся все развязнее и живописнее, а ответы его Хлестакову — приглаженнее, почтительнее, литературнее. Это явное в его речи словесное движение в противоположные стороны, обеспечивающее усиление общего комического эффекта, почувствовал и очень искусно воспроизвел в своем переводе Видерт. Вот несколько примеров:

О, тонкая штука! Э как куда метнул! Какого туману напустил! Разбери кто хочет. Не знаешь, с какой стороны и приняться.

.....

(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! О, да ты штука!

.....

Батюшка требует. А? Экие пули отливает. А ведь какой маленькой.

.....

И в отставку подал! Каково подвертывает!

O Pfifficus ohne Gleichen! Mit der Wurst nach der Speckseite! Der versteht's einem Sand in die Augen zu streuen. Wird einer klug daraus. Man weiss eigentlich nicht recht, bei welchem Ende man anfangen soll.

In's Saratowsche Gouvernement! O, du Erzpfifficus!

Der Vater verlangt!... Der hat's weg, einem blauen Dunst vorzumachen. Dabei so ein kleines Männlein.

Nun gar noch um den Abschied eingekommen! Das ist denn doch, nimm mir's nicht übel, ein Kniff aus dem FF.

Как видим, Видерт пытался передать все специфические русские фразеологизмы в речи городничего — немецкими, сделав то, с чем не справился лучше ни один из последующих немецких переводчиков «Ревизора». В самом деле: закономерно в переводе вместо «тонкая штука» сказать «Pfifficus ohne Gleichen» — «единственный в своем роде пройдоха», так как подобная замена не только не искажает смысл оригинала, но и воспроизводит присущий ему фамильярно-прене-

брежительный оттенок; замена русского фразеологизма «напустить туману» немецким — «набросать в глаза песку» естественна и тем более удачна, что немецкое выражение принадлежит к числу столь же ходовых, как и русское. Слова «Каково подвертывает!» переданы специфически немецким фразеологизмом, но с отчетливым сохранением их смысла;¹ типичному русскому выражению «отливать пули» — говорить неправду² найдена близкая аналогия в немецкой поговорке «einen blauen Dunst vormachen», — означающей морочить, дурачить, пускать пыль в глаза. Видерт усиливает впечатление от воссоздаваемой им на немецком языке идиоматической речи городничего введением в нее отсутствующей в русском оригинале поговорки: «die Wurst nach der Speckseite werfen», для которой словарь И. Я. Павловского указывает и русскую аналогию: «дать лычко, чтобы получить ремешок».³

В результате городничий немецкого текста, так же как и его оригинал, говорит бойким, живым, метким разговорным языком, в котором нет и тени книжности и в котором не чувствуется следов переводческих усилий.

Те же тенденции Видерта — максимально приблизить свой перевод к его немецким читателям, передавая неразложимые словосочетания русского языка соответствующими устойчивыми оборотами, наличествующими в фонде немецкого разговорного языка, подыскивая удачные аналогии отдельным словам за пределами русско-немецких словарей, в живой речевой практике, — чувствуются буквально на каждой странице его перевода «Ревизора». Соответственно, не привычном, для читателя-немца, а не на «переводческом»

¹ Родственное по происхождению немецкое идиоматическое выражение «Aus dem FF die Sache verstehen» приводится у М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (т. II, приложение, указатель иностр. слов) со ссылкой на известный труд Вурцбаха (Wurzbach) «Historische Wörter» и на «Citatenlexicon» Зандерса (Sanders).

² О выражении «лить пули», встречающемся также в «Мертвых душах» («Ну, брат, ты уже кажется начал пули лить»), его смысле и происхождении см. в статье акад. В. В. Виноградова, «Из истории русской литературной лексики» (Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2, М., 1948, стр. 18—21).

³ И. Я. Павловский. Немецко-русский словарь. Изд. 3-е, Рига-Лейпциг, 1902, стр. 1475. — Аффективно-фамильярное выражение городничего «Эк куда метнул!» Видерт, однако, оставил без перевода, но не потому, что затруднялся в его воспроизведении, а видимо по другим соображениям. Ср. в первой сцене I акта реплику городничего Ляпкину-Тяпкину: «Эк куда хватили!» (в первом изд. «не туда попали»), которая у Видерта передана так: «Na, Sie sind mir auf einem schönen Holzwege!» Когда городничий восклицает «Да, оба пальцем в небо попали!» (1, 3), Видерт это переводит: «Ja, beide haben den Nagel auf den Kopf getroffen!».

языке говорят у него и Хлестаков, приобретающий приличествующие его образу интонации, и многие второстепенные лица, и в особенности Осип. Хлестаков, например, говорит в сцене с трактирным слугой (II, 4): «Посуди сам, любезный, как же? Ведь мне нужно есть. Этак, могу я совсем отощать». У Видерта: «Nun, überlege selbst, mein lieber, — wie denn? ich muss doch essen. Sonst komme ich am Ende noch auf dem Hund». Или далее (II, 4): «Ну, хозяин, хозяин. Я плевать на твоего хозяина». У Видерта: «Ach was Wirth! dein Wirth kann sich abmalen lassen auf Löschpapier». Известный русский вульгаризм, выражающий презрительное безразличие, потерял бы в немецком тексте всякий смысл, если бы он был переведен с удержанием его словарного значения — anspreien, ansprucken и т. д. Видерт поступил правильно, подобрав русскому вульгаризму аналогию в немецком разговорном обороте, основной смысл которого заключается только в выражении полного пренебрежения к кому-либо. Удачно переведен Видертом также русский идиоматический оборот «мотать на ус» (I, 1).

Аммос Федорович

Нет, я вам скажу, вы не того... Вы не... начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий

Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил.

Kreisrichter

Nein, wenn ich Ihnen sage, Sie wollen mich nicht, was ich sagen wollte... Sie sind... Die Obrigkeit hat feine Ansichten: obgleich sie weit von hier weg ist, so macht man ihr doch kein X für ein U.

Stadtpräsident

Ach was, X oder U, aber ich habe es Ihnen, meine Herren, zu wissen gethan.

Весьма яркой иллюстрацией мастерства перевода Видерта может служить искусная передача им всей роли Осипа и в особенности его монолога в 1-й сцене II действия. Воспроизвести по-немецки приданный его речам специфический индивидуальный колорит представляло немалые трудности. Осип, этот «деревенский слуга, который пожил в Петербурге, постиг достоинства столичной жизни и галантерейного обращения, но... предпочитает деревенскую жизнь треволнениям столицы, в которой худо без денег», — как отзывается о нем Белинский, — говорит на своеобразном столично-мещанском лакейском жаргоне, полном вульгаризмов, народных этимологий, по-своему понятых им претенциозно-литературных выражений, забавно искаженных слов. Монолог Осипа создает полную иллюзию звучащей речи со всеми причудливыми

особенностями ее синтаксического построения и со всем колизмом ее фамильярно-пренебрежительных интонаций. Осип говорит: «профинтил» и «прешпект», «на деревне лучше: хоть нет публичности, да и заботности меньше»; «а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют и все, что хочешь»; «разговаривают все на тонкой деликатности», «галантерейное, чорт возьми, обращение»... Воссоздать на ином языке все оттенки этой своеобразной, но типической речи, которая представляет собою одно из чудес гоголевского словесного искусства, свидетельство необычайной восприимчивости его слуха, — разумеется, весьма затруднительно. Видерт сделал, что мог, воссоздав и сделав правдоподобными и естественными в немецком языке своего Осипа присущие ему грамматические неправильности, искаженные слова, пристрастие к изысканным оборотам литературного языка и жаргона щеголей, стоящим рядом с просторечными фразами диалектальной окраски.

Осип презрительно отзывается о своем барине, о котором он, впрочем, имеет свое, особое мнение: «Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится» (II, 1). Видерт прекрасно понимает, что в слове «голубчик» в данном контексте нет никакой нежности или сожаления, и он передает его при помощи нелитературного оборота, означающего, приблизительно, «хорош гусь!»: «Verwischt hat er unterwegs das Geld, der saubere Junge, und jetzt sitzt er da, und lässt die Ohren hängen, auch nicht mehr hitzig ist er»... Перевод совершенно точен: нет необходимости оговаривать особо, что в данном контексте слова «подвернуть хвост» и «повесить уши», как сказано у Видерта, имеют совершенно одинаковый смысл. Осип рассуждает про себя: «Право на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах, да ешь пироги». У Видерта: «Wiss und wahrhaftig auf dem Dorfe ist's besser. Wenn dort auch keine Oeffentlichkeit nicht ist, aber man hat auch weniger Plackage und Scheererei. Nimms dir ein Weib und liegst dein Lebtag auf den Bärenhaut und lässt den lieben Gott' nen guten Mann sei». И на этот раз трудно что-либо возразить переводчику. Так как слово «публичность» точно передается исконным немецким «Öffentlichkeit», не являющимся варваризмом в немецком языке, то оно остается в переводе, утрачивая тот колорит, который оно имеет в устах Осипа в русском тексте, но Видерту хочется показать, что Осип любит щегольнуть каким-нибудь городским словечком иностранного происхождения и вводит таковое в ту же самую фразу: слова «заботности меньше» звучат у него именно на такой манер: «man hat auch

weniger Plackage und Sheeregei» (германизированное орфографически слово Plackage от франц. placage, повидимому в значении «какой-либо тонкой хозяйственной работы», отсутствует в немецких словарях; Scheeregei — фамильярное слово, означающее хлопоты, тревожную деятельность). Трудно, пожалуй, возразить и против пропуска в переводе указанного места двух русских слов: полати и пироги; «полати» (которые можно было бы перевести только малоупотребительным книжным словом — *der Hängeboden*) заменены словами *auf den Bärehaut liegen*, означающими «лениться»; очевидно, необходимо было дать понять немецкому читателю, что Осип — деревенский житель, несмотря на присущий его словоупотреблению своеобразный столичный «лоск».

У Видерта Осип говорит, как и в русском тексте: «Kheater sind da»; сохранено «гулять по прешпекту» («geht er auf den Perspect spazieren» *вм.* Prospect); «ездит на извозчике» передано — «Eklipage wird gemiethet» (*вм.* Equipage); просторечное «Питер» вместо «Петербург» также отразилось в переводе: Осип называет его здесь *Petzborg*. «И сукно такое важное аглицкое», — говорит Осип; Видерт находит способ сохранить и эту архаическую форму слова, ставшую затем просторечной: «*der Frack von echt engelschem (вм. englischem) Tuch*». Слова Осипа о Хлестакове: «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой» в настоящее время требуют специального объяснения и для русского читателя; едва ли кто-нибудь поймет без справки, что это уничижительное обозначение «коллежского регистратора» — младшего гражданского чина, образованное с помощью народной этимологии. Видерт не только понял это, но и дал его перевод с помощью им самим сочиненного немецкого слова «...was ist er, ein gewöhnliches Ristraterchen!» (От *Registrar, Registraterchen*).

Для того чтобы суметь дать такой перевод, — примеры можно было бы выписывать с каждой страницы книги, — надо было самому видеть подобных Осипов, сжиться с особенностями их речи, понимать каждое их слово до конца. Иначе говоря, надо было быть современником Гоголя, получить воспитание в России, уметь наблюдать местные языковые явления и не потерять при этом способности столь же восприимчиво относиться к особенностям немецкой речи, родной, полузабытой, но обновленной в чужих краях.

Справедливо писал впоследствии проф. Бауэр о переводах Видерта и, в частности, о его «Ревизоре», представляя переводчика Совету Петербургского университета при избрании его на должность лектора немецкого языка: «В переводах Видерт сумел победить затруднения при передаче чисто на-

родных элементов и тем всего лучше доказал, что в совершенстве владеет обоими языками».¹

6

У нас нет данных о том, игрался ли «Ревизор» в переводе Видерта на какой-либо немецкой сцене, а между тем известно, что уже во второй половине 50-х годов эта комедия Гоголя стала репертуарной пьесой в Германии. Летом 1858 г. М. Л. Михайлов, ехавший в Париж через Берлин, обратил внимание на то, что «Ревизор» шел в это время в одном из берлинских театров: «Афишки объявляли в этот день представление гоголева „Ревизора“ на немецком языке; но это не остановило меня в Берлине. Имени переводчика я не помню; знаю только, что игрался не прекрасный перевод г. Видерта», — писал он в своем путевом письме, напечатанном в «Современнике».² Видерта в это время в Германии уже не было; он вернулся в Россию, принял русское подданство и поступил на службу.

Перевод «Ревизора», увидевший свет в 1854 г., никогда не переиздавался и был прочно забыт как в Германии, так и в России. Хотя эта маленькая книжка и значилась в основных библиографических справочниках о Гоголе, но она не возбуждала к себе интереса и не подвергалась ни специальному критическому анализу, ни оценке; сравнительная редкость этого издания (выпущенного, повидимому, очень малым тиражом), отсутствие его во многих русских библиотеках, в свою очередь, немало способствовали тому, что оно ускользало от внимания исследователей, специально интересовавшихся судьбой произведений Гоголя за рубежом. В русской литературе о Гоголе лишь Е. С. Некрасова посвятила этому переводу Видерта несколько сочувственных строк в «Русской старине». «Близкое знакомство с этим переводом, — писала она, — убеждает нас в несомненной талантливости переводчика, в его прекрасном знании языка со стороны филологической, в знании, наконец, духа языка и самой страны. . .» «Он замечательно удачно передает все характерные выражения городничего, а также и речи Осипа, Хлестакова. . . Он выступает здесь в одно время и знатоком русского языка и несом-

¹ Протоколы заседаний Совета СПб. университета, СПб., 1875, № 11, стр. 56—58.

² М. Л. Михайлов, Парижские письма. «Современник», 1858, кн. IX, стр. 280. — О каком переводе идет речь — установить не удалось; возможно, что этот перевод представлял собою театральную рукопись и издан не был. Следующие немецкие переводы «Ревизора» опубликованы были значительно позже — А. Юнкельмана в 1862 г., В. Ланге — в 1877 г.

исненно талантливым переводчиком. В упрек ему можно поставить разве только некоторые оплошности, которых, впрочем, немного, например, неуместно вложенную в уста городничего французскую фразу, которую городничий произносит во время разговора с женой: *Ich bin auch ein comme il faut, mein Herzchen*, — говорит он». «Жаль только, — прибавляет в заключение Е. С. Некрасова, — что Видерт переводил комедию не по исправленной редакции. Поэтому здесь не найдешь ни сцены с унтер-офицершей, ни того прекрасного места, где городничий по отъезде Хлестакова упрекает себя и дает себе название „старого дурака“... Все эти места, как известно, вставлены Гоголем в последнюю исправленную редакцию — издание 1842 года».¹ Приведенные слова, а также цитировавшиеся нами выше отзывы М. Л. Михайлова исчерпывают все, что сказано было о переводе Видерта в русской печати, да и эти оценки были известны лишь немногим специалистам.

В 1904 г. некто А. Б. в сделанном им обзоре немецких переводов «Ревизора» указывал, между прочим, на то, что он не мог получить никаких сведений об этих переводах, кроме двух, вышедших во второй половине XIX в. (В. Ланге, 1877 и Ф. Фидлера, 1894): «Не знаем, — писал, он, — может быть существуют и другие еще переводы „Ревизора“, но по справкам в лучших немецких книжных магазинах нам не удалось получить о них хотя какие-нибудь указания».² Таким образом, ему остались неизвестны наиболее ранние переводы «Ревизора» — Видерта (1854) и А. Юнкельмана (1862), о существовании которых в начале XX в. уже и не вспоминали.

Когда в 1894 г. в Галле напечатан был рассчитанный на массовое распространение перевод «Ревизора», сделанный Ф. Фидлером, его встретили единодушными похвалами. «С величайшим удовольствием приветствуем этот новый труд, — писал о нем рецензент «Русской мысли». — Этот перевод... кажется, единственный хороший немецкий перевод в смысле передачи подлинника, с которым немцы могут теперь познакомиться более основательно; а что наша комедия их интересует, можно видеть уже из того, что она включена в такое известное издание для знакомства с лучшими произведениями мировой литературы».³ Не подлежит сомнению, что перевод

¹ Е. С. Некрасова. Гоголь перед судом иностранной литературы. «Русская старина», 1887, сентябрь, стр. 561—562. — Мимоходом и повидимому с чужих слов перевод Видерта упомянул В. Шенрок (Материалы для биографии Гоголя, т. III. М., 1895, стр. 530).

² А. Б. О немецких переводах «Ревизора». «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», 1904, № 1, стр. 106—108.

³ «Русская мысль», 1895, кн. IV, библиографический отдел, стр. 155—156. — Перевод вышел в дешевой серии: «Bibliothek der Gesamtliteratur des In- und Auslandes» (Nr. 760—761), Halle, 1894.

Фидлера, осуществленный в России, значительно превосходил по своим литературным достоинствам непосредственно предшествовавшие ему переводы А. Юнкельмана и В. Ланге; последний изобилует вопиющими искажениями гоголевского текста и поистине нелепыми ошибками, заставляющими даже предположить, что он сделан не с русского текста, а скорее всего с французского перевода. Несмотря на это перевод Ланге, к сожалению, получил значительное распространение в немецкой литературе.¹ Последовавший за ним перевод Фидлера неоспоримо лучше во всех отношениях, но в сравнении со старым переводом Видерта, — с которым, по видимому, по странной случайности Фидлер также знаком не был, — он оставляет, в общем, досадное чувство.

Перевод Фидлера сделан по тексту «Ревизора», напечатанному в известном десятом издании сочинений Гоголя под ред. Н. С. Тихонравова, лучшим в то время: поэтому он является более полным, чем все предшествовавшие ему немецкие переводы, в том числе и «обработка» Видерта; в нем нет пропусков, хотя иные из них были и естественны и допустимы; передача наиболее трудных для перевода мест оригинала сделана с безусловным пониманием их смысла. При всем том переводчику явно не удалось воспроизвести в своем переводе то, что в гоголевской комедии составляет одну из наиболее привлекательнейших ее особенностей, — язык ее действующих лиц. Перевод Фидлера отличается гладкостью, внешней близостью к подлиннику и полным отсутствием стиля: не только

¹ Перевод В. Ланге, вышедший в дешевом издании «Универсальной библиотеки» Реклама (Vd. 837) и разошедшийся в огромном количестве экземпляров, переиздавался еще в 1946, 1949 и 1951 гг., несмотря на то, что единодушно осужден был в русской печати. Э. Лямбек (Гоголь у немцев. «Литературный вестник», 1902, кн. 3, стр. 378) писал: «Что касается текста, то Вильгельм Ланге дал классические образцы того, как переводить не следует. Не говоря уже о множестве ненужных отступлений от подлинника, он нередко прямо дает неверный перевод», Фидлер также отметил в предисловии к своему изданию (стр. VII—VIII), что его перевод мало похож на перевод Ланге, у которого «грубейшие ошибки» (allergrößten Misverständnisse) встречаются «почти на каждой странице». «Я должен высказать это суровое мнение, — прибавляет Фидлер, — исключительно в интересах великого русского писателя». И в самом деле: прилагательное «проворный» Ланге произвел от корня «вор» и «проворного парня» превратил в «вороватого» (ein geiebenes Bursche); известное восклицание голодного Хлестакова «Кажись так бы теперь весь свет съел» перевел: «держу пари, что весь свет уже отобедал»; слова о «столпотворении» — «вы умеете также устроить парадный обеденный стол» (sie wissen auch ein Festessen zu arrangieren), повторив, следовательно, ошибку в переводе Мериме, ставшую «классическим» примером. Сценическую ремарку Гоголя о Бобчинском и Добчинском, что они «низенькие» В. Ланге, однако, уже по собственному почину перевел unterwürdig, т. е. низкие не ростом, а в нравственном смысле.

весь «аромат эпохи», но и тончайшее словесное мастерство речевых характеристик исчезли из перевода бесследно. Гоголевский юмор потерял свою остроту, краски его полиняли, превратив переведенный текст в одноцветное серое пятно, весьма отдаленно напоминающее сверкающую пестроту и ослепительный блеск оригинала; резкие черты действующих лиц расплылись и стали значительно менее отчетливыми. И городничий, и Хлестаков, и Осип говорят у Фидлера одним и тем же языком, ослабленным, неярким, в котором сгладилась индивидуальность речевые отличия их друг от друга; всем им присущи, наконец, одни и те же интонации, в большей степени присущие для речи петербургского немца конца XIX в., чем для персонажей гоголевской пьесы.

Он не ощущал более необходимости теми или иными способами приблизить гоголевский текст к уровню понимания среднего немецкого читателя, на которого рассчитывала книжная серия, опубликовавшая его перевод массовым тиражом; он, видимо, не чувствовал и особых затруднений при передаче отдельных мест комедии и не очень вживался в русский текст, который требовалось воссоздавать в иной языковой сфере. Его не затрудняли, например, вопросы о том, следует ли в переводе во всех случаях оставлять обращения по имени и отчеству, можно ли делать попытки довести до читателей представление об юмористическом или сатирическом значении имен и фамилий гоголевских действующих лиц, об исключительном лексическом и фразеологическом богатстве языка комедии и т. д. Он просто переводил сцену за сценой, не отдавая себе отчета в том, существует ли, может ли существовать ясная направленность в его переводческой задаче.

Любопытно, что в биографиях и творческой судьбе Видерта и Фидлера было кое-что общее; оба родились и получили воспитание в России,¹ оба хорошо усвоили русский язык (Фидлер называл его в предисловии к своему переводу «Ревизора» — *Stiefmuttersprache* — «вторым родным языком»),

¹ Ф. Ф. Фидлер (1859—1917) учился в Петербурге в реформатском училище и окончил курс в петербургском университете по историко-филологическому факультету; первый сборник его стихотворных переводов (произведений Кольцова) издан в Лейпциге в 1885 г.; он переводил также из Лермонтова, Никитина, Крылова и т. д. («Литературный вестник», 1903, кн. 5, стр. 101—102). Стихотворные переводы его из Пушкина и Лермонтова, сделанные на рубеже XIX—XX вв., вызвали упреки и в русской критике («Русская мысль», 1901, кн. 11, стр. 128—143; «Вестник Европы» 1898, стр. 420—423); закономерно, что ему гораздо лучше удавались переводы из современных ему русских поэтов — Надсона, Фофанова и др. Ср. Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания. СПб., 1900, т. II, стр. 202—204.

владея в то же время немецким. Чем же в таком случае можно объяснить то обстоятельство, что одному перевод «Ревизора» удался вполне, а другой не сумел с ним справиться?

Мы думаем, что помимо индивидуальных творческих отличий каждого из переводчиков, здесь действовала одна общая историческая причина: переводы «Ревизора», сделанные Видертом и Фидлером, разделяет сорокалетняя давность. Речевые стили немецкого языка Фидлера, как и его русского языка, не были похожи на речевые стили того немецкого и русского языка, которыми владел Видерт. Видерту, выросшему в Москве в 40—50-е годы XIX в., в атмосфере демократической направленности ее художественной культуры, яркая русская народная речь во всем богатстве ее выразительных средств была знакома значительно шире, чем Фидлеру, жившему в более ограниченной и бедной языковой сфере петербургского чиновного мира конца века.

Кроме того — и это особенно важно подчеркнуть — лучшие переводчики чаще всего являются ближайшими современниками переводимых им авторов; они владеют тем «ключом» к языку оригинала и к средствам его воссоздания, который впоследствии нередко утрачивается переводчиками или требует особо развитого чувства стиля, умения оставаться в пределах языковых средств, свойственных оригиналу, — качеств, присущих далеко не каждому переводчику вообще.

«Ключ» к Гоголю Фидлером был, во всяком случае, потерян. Для того чтобы удостовериться в этом, достаточно лишь нескольких примеров. Насколько беднее и фальшивее, чем у Видерта, звучат, например, слова Осипа у Фидлера! В первом своем монологе (II. 1) Осип говорит:

У Фидлера:

Профинтил дорогою денежки голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячитя...	Das ganze Geld hat der lockere Vogel unterwegs verjubelt, jetzt mausert er und ist ganz kusch.
--	--

Мы приводили уже это место в переводе Видерта. Насколько оно ближе передает оригинальный текст! Конечно, немецкое «sein Geld verjubeln» значит «прогулять свои денежки», что по смыслу близко к «профинтить», но очень далеко по своему характеру от разговорно-фамильярного глагола, употребленного в русском оригинале («профинтить» — издержать зря, попусту, от итальянского «finta» — притворство, русск. «финтить», следовательно, первоначально могло значить «вести себя неестественно»). У Видерта переведено лучше: «Verwisch hat er unterwegs das Geld» (verwischen — стирать, смывать; die Spur ist verwischt — и

следа не осталось), т. е. «дорогою от денежек и след про-
стыл». Значительно хуже попытка Фидлера оставить в своем
переводе пренебрежительное «голубчик»; «der lockere
Bursche» значит «легкомысленный, беспутный малый». Так,
вероятно, и можно было сказать в переводе, стремившемся
удержать пренебрежительный оттенок в слове «голубчик», но
Фидлер оставил не только «птицу», но и употребил здесь же
глагол «mausegn», относящийся к птицам («линять»); непонятно также, почему «не горячится» переведено у него «со-
бачьим» словом «ist ganz kusch», что означает «лежит сми-
рно, не лает». В следующем отрывке перевода почти каждое
слово звучит столь же фальшиво:

<p>Оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на пола- тах, да ешь пироги.</p>	<p>Fehlt's auch in Publizität, doch fehlt's doch auch an Sorgen: man hat sein Weibchen, liegt den ganzen Tag auf dem Hängeboden und isst Pasteten.</p>
--	--

Эта фальшь, отсутствие чувства стиля и меры, чувствуются особенно ясно тогда, когда Фидлер пытается передать по-
немецки искаженные словечки Осипа; он оставляет в пере-
воде слово «кеатр», но тут же вводит в словарь Осипа новос-
иностранный слово «балет», в тексте Гоголя отсутствующее
(ср. «кеатры, собаки себе танцуют» — «Da gibt's Kejather.
Hundeballet...») и устранившее весь комизм фразы, где
кеатр и «собачьи танцы» не противопоставлены друг другу.
Фидлер сохраняет даже «елистратишку», но в довольно
неуклюжей форме (Kollegen-Jelistrator). В итоге ощущение
лакейской со столичным оттенком речи Осипа в переводе
утрачивается вовсе; она просто переведена на обыкновенный
язык с характерной для Фидлера пассивной дословностью.

Характерно, что термин «городничий», еще живой во
время Видерта, во время Фидлера звучал уже архаически;
первый переводит Stadtpräfect, т. е. «начальник города», у
Фидлера Stadthauptmann — «градоначальник», как и пере-
водили название этой, существовавшей в его время, должно-
сти; следовательно, Фидлер не чувствовал различия между
«городничим» и «градоначальником» или желал оттенить
это в своем переводе. Видерт великолепно воспроизводит
речь купцов, жалующихся Хлестакову на городничего. У Го-
голя: «Именины его бывают на Антона, и уже, кажись, чего
ему больше? Всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет,
ему еще подавай, говорит, и на Онуфрия его именины»
(IV, 10). У Видерта: «Zu Antoni ist sein Namenstag, man
dächte, was braucht er noch mehr? Alles trägt man ihm zu,
dass er an nichts Noth leide. Nein! er muss noch mehr haben, —
auch zu Johanni, sagt er, ist sein Namenstag». У

Фидлера, конечно, сохранены и «*der heilige Anton*» и «*der heilige Oupifrij*». У Гоголя слесарша говорит: «на городничего челом бью» (IV, 11), употребляя архаическую юридическую форму жалобы, сохранившуюся и в сущ. «челобитчик». В переводе Фидлера этот оттенок устранен, и слесарша говорит только: «*Barmherzigkeit! Schütze mir von dem Stadthauptmann!*» У Видерта, не сохранившего, по естественным причинам, прямого смысла «челобития», воспроизведен, однако, официальный канцелярский характер жалобы, подчеркивающий между прочим иллюзии слесарши, что она обращается к лицу, облеченному властью: «*Sei mir gnädig: den Stadtprefect zu verklagen lieg ich zu Deinen Füßen*». Анна Андреевна спрашивает Добчинского о Хлестакове: «А собою каков он: брюнет или блондин?» «Нет, больше шантрет, — отвечает Добчинский, — и глаза такие быстрые как зверки» (III, 2). У Видерта ответ Добчинского переведен так: «*Nein, er spielt mehr ins Kastanien, und die Augen laufen ihm die Köpfe herum wie die Leuchtwürmerchen*». Архаическое слово «шантрет» «темнорусый», «с каштановыми волосами» было употребительно в русском языке 40—50-х годов и не имело никакого юмористического оттенка;¹ в переводе Фидлера оно получает этот оттенок, потому что и в тексте Гоголя оно звучало для переводчика необычно, архаически: «*Eher schatink* (вм. *kastanienbraun, kastanien*). Конечно, «быстрые, как зверки» глаза можно было и не превращать в «быстро бегающих в голове светлячков», как это сделано у Видерта, но «светлячки» все же лучше, чем «ласка», в какую они превращены у Фидлера: «*Und Augen hat wie ein Wiesel: bald blickt er hierher, bald dorthin...*».

Автор упомянутой выше статьи о немецких переводах «Ревизора», отмечая многочисленные промахи перевода В. Ланге, справедливо замечал, что «если бы где-нибудь в Германии пришлось поставить „Ревизора“ по разобранному переводу, то не мало бы переводчик задал работы вдумчивому актеру, принужденному разбираться в разных противоположных штрихах, неправильно наложенных переводчиком на гоголевских героев»;² но перевод Фидлера, вызвавший, в общем, более сочувственное к себе отношение того же кри-

¹ В «Словаре» к «Ревизору», помещенному Л. В. Крестовой в ее книге «Комментарий к комедии Н. В. Гоголя „Ревизор“» (М., 1933, стр. 72) слово «шантрет» объяснено ошибочно — русый. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. IV, стр. 1318) указывает, предположительно, что «шантрет» произошло из шутивного сочетания слов «шатен» и «брюнет».

² А. Б. О немецких переводах «Ревизора» Гоголя. «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», 1904, № 1, стр. 107.

тика, в сущности, отличается тем же недостатком. А. Б. указал, что Фидлер «передает гоголевский текст слишком уж буквально, не отступая перед рискованными метафорическими выражениями...». «Конечно, — прибавляет он, — это дело вкуса, но предпочитаем иной раз уклониться от дословного перевода и подобрать на том языке, на который переводишь, свое оригинальное выражение, которое передавало бы в точности не слова, а дух подлинника. Иначе перевод выходит какой-то деланный. Без сомнения, при излишней близости к подлиннику, дух подлинника может пострадать больше, чем при обратном приеме»: поэтому и Фидлер «обнаруживает иной раз непонимание Гоголя и, толкуя его вкривь и вкось, искажает его в своем переводе».¹

В подтверждение этой, по нашему мнению вполне правильной точки зрения, критик приводит несколько примеров из перевода Фидлера, иллюстрирующих его мысль. Эти примеры интересны, однако, и потому, что свидетельствуют о действительной трудности понимания некоторых мест в «Ревизоре», нередко превратно толкуемых и доныне не только переводчиками гоголевской комедии.

Во второй сцене первого акта почтмейстер приводит собравшимся место из письма одного поручика, который пишет своему приятелю: «Жизнь моя течет в эмпиреях, барышень много, музыка играет, штандарт скачет». «Мы думаем, — пишет А. Б., — что всякий читавший „Ревизора“ под штандартом будет понимать именно штандарт — кавалерийское знамя. Между тем Фидлер вместо штандарта выпускает... летающих эстандартюнкеров: „...es wimmelt von schönen Mädchen, die Musik rauscht, die Standartjunker fliegen dahin!“». Очевидно, Фидлер, зная по словам почтмейстера, что поручик описывает бал, рассудил, что в бальном зале негде скакать штандарту и сделал вышеуказанную замену. Нам кажется, что тут недоразумение. Поручик говорит не об одном бале, а вообще об эмпиреях, в которых течет его жизнь; бал только вызвал его письмо. Начал он с описания бала, а затем перешел к другим „эмпиреям“, среди которых не последнее место занимают, конечно, и полковые парады со скачущим штандартом. Сам почтмейстер не цитирует письмо точно, а припоминает отдельные, понравившиеся ему игривостью выражения. От этого барышни, музыка и штандарт оказались рядом».² Приведенное замечание представляется вполне справедливым. В настоящее время мы можем еще лучше вдуматься в то, что хотел сказать Гоголь, сравнив интересующее нас место в из-

¹ А. Б. О немецких переводах «Ревизора» Гоголя. «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», 1904, № 1, стр. 108.

² Там же.

данных полностью различных редакциях «Ревизора». В первой черновой редакции еще не было никакого «штандарта» (АН, IV, 148), он появился только во второй редакции (АН, IV, 250). Но в первом издании «Ревизора» 1836 г. не было и слова «эмпирей», которое появилось только в окончательной редакции (АН, IV, 17 и 379). Из сопоставления указанных текстов явствует, что Гоголь последовательно сокращал эту цитату из распечатанного письма, которую почтмейстер приводит наизусть в бессвязном, разорванном виде в качестве образца понравившегося ему литературного слога, пестрящего не вполне понятными ему, но завлекательно звучащими иностранными словами; поэтому в окончательном тексте вместо слов «Я провожу, говорит, время с крайним удовольствием» появились комически звучащие в данном контексте, но бессмысленные «эмпирей», а вместо слов «описал бал и жизнь свою» стоит просто «описал бал». Видерт переводил «Ревизор» по тексту, близкому к редакции первого издания комедии; поэтому у него нет «эмпиреев», но нет также трудно-совместимых, — если не раскрыть полностью замысел Гоголя, — «штандарта» и «бала»: «meine Zeit — sagt er — bring ich mit ausserordentlichem Vergnügen zu. Fräuleins — sagt er — sind in Menge, die Musik spielt, der Husar galopiert». Это был, во всяком случае, остроумный выход из затруднения.

Другое место, на которое обратил внимание тот же критик, находится в сцене Хлестакова с купцами. Последние, жалуясь на городничего, так воспроизводят его слова, к ним адресованные: «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать, — это говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки» (IV, 7). «Переводчик, — пишет А. Б., имея в виду Фидлера, — понял последние слова так, как вероятно, понимает их и большинство петербуржцев, не знающих быта глухой провинции: „поешь селедки“, т. е. я накормлю тебя насильственно селедкой и ты будешь мучиться жаждой. „Du sollst mir Hering essen und dursten“, переводит Фидлер. Нам кажется, что это не так. Кормление селедкой есть своего рода пытка, бывшая в добрые старые времена в большом ходу. Но, ведь, городничий пытать не хочет. Да и долго дожидаться, пока селедка окажет свое действие. Не вернее ли будет чисто бытовое объяснение этого места? Кто застал еще дореформенную полицию, частных приставов и квартальных поручиков, тот помнит, что „селедкой“ называлась их шпага, а также тесак родовых; тот помнит, как любили действовать дореформенные полицейские своей „селедкой“. Слова эти читатель найдет и в рассказах И. Ф. Горбунова, так живо изображавшего всякого рода

захолустья. Там же можно видеть и способ употребления этой „селедки”. Нам кажется, что городничий и не думает кормить купцов „соленой рыбой”, а грозит дать им наедине несколько ударов ножами своей шпаги по мягким частям, где не останется следов от побоев, и за бороды то городничий грязь купцов все с тою же целью сокрытия следов побоев».¹ Объяснение это стоит удержать в комментариях к «Ревизору», так как оно вполне правдоподобно; однако, указанное переносное значение слова «селедка», приводимое и в толковых словарях русского языка² не только забылось, но и не было, повидимому, общеупотребительным как своего рода арготизм. Видерт, задолго до Фидлера, впал в ту же ошибку и так перевел указанное место (соответственно другому счету сцен оно находится в его переводе в 10-й сцене IV акта): «Ich werde dich, sagt er, keiner körperlichen Strafe, sagt er, aussetzen, oder in die Folter spannen — das sagt er, verbietet das Gesetz; aber du sollst mir, Freundchen, Häring essen und dursten».

Сценическая история «Ревизора» в Германии донныне известна нам очень плохо. Известные нам и учтенные в историко-театральных трудах постановки «Ревизора» в немецких театрах начинаются только с 1879 г., когда комедия была поставлена в «Немецком театре» в Берлине. Далее известны постановки 1891 г. в Берлине (в театре «Freie Volksbühne»), 1895 г. — в Берлине в «Королевском театре», 1899 г. — в Берлине (в театре «Volksbühne») и в Мюнхене, в постановке Штольберга (Gärtnertheater); постановки XX в., начиная с юбилейного гоголевского года (1902) до известных постановок в театре Макса Рейнгардта (1907—1908 гг.), были более многочисленны. К сожалению, мы не всегда знаем, в каких переводах ставилась гоголевская комедия. Большею частью это были новые переводы, специально заказывавшиеся театрами. Так Штольберг для своей постановки «Ревизора» в 1899 г. в Мюнхене «взял новый его перевод, сделанный г-жей Шабельской, значительно лучший, чем перевод Ланге, но также не лишенный некоторых забавных промахов».³

Мы не знаем, однако, ни одной театральной попытки воспользоваться переводом Видерта. Об этом стоит пожалеть.

¹ А. Б. О немецких переводах «Ревизора» Гоголя, стр. 108.

² Толковый словарь русск. яз. под ред. Ушакова, т. IV, стр. 135.

³ И. Грабарь. «Ревизор» в Мюнхене. «Ежегодник имп. театров». сезон 1899—1900, прилож. 1-е, (СПб., 1900), стр. 104—109; ср. М. Л. С. «Ревизор» и «Женитьба» на берлинских сценах. «С. Петербургские ведомости», 1902, № 51. — Сведения о постановке «Ревизора» Максом Рейнгардтом в «Немецком театре» 8 марта 1907 г. см. у S. Jacobson, Max Reinhardt, 1910.

Мы старались показать, что его перевод при всех своих недостатках, и прежде всего по своей очевидной неполноте, был значительно выше следовавших за ним переводов, считавшихся удачными и вызывавших одобрение. Однако его перевод был забыт столь основательно, что его не привлекали даже для сравнений.

7

В жизни Видерта 1857 г. был годом перелома. «Выдержав в 1857 г. при С. Петербургском университете испытание на звание учителя немецкого языка и приняв присягу на подданство России, он в августе 1858 г. был определен младшим учителем в Московскую 3-ю реальную гимназию», — сообщает его биограф.¹ Видерт считал теперь, что его сотрудничество в немецких газетах и журналах должно прекратиться, и это было вполне естественно: при цензурном режиме 50-х годов XIX в. преподаватель русской средней школы, состоявший в русском подданстве, разумеется, не мог быть регулярным сотрудником заграничных изданий. Видерт добровольно порывал окрепшие были связи с немецкой литературой и журналистикой и возвращался на родину, в Москву, где за последние годы бывал только наездами.

Переводы «Записок охотника» Тургенева и «Ревизора» Гоголя отдельными книгами, стихотворные переводы из Кольцова и Лермонтова — в периодических изданиях и сборниках завершили деятельность Видерта в качестве переводчика русских писателей; эту деятельность он оставил навсегда. Последней, повидимому, работой Видерта для заграничных изданий была серия очерков для «Conversations Lexicon» Брокгауза. Достоверно известно, что для 10-го издания этого энциклопедического словаря Видертом составлены были статьи о Гоголе, Кантемире, Кольцове, Козлове, Лермонтове, Ломоносове, Пушкине, Жуковском, Тургеневе;² несомненно, впрочем, что этих статей было много больше и что ему в значительной степени поручена была редактура всего русского литературного отдела этой энциклопедии.³

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей С. Петербургского Университета, т. I, СПб., 1896, стр. 153, Павел Виноградов. Краткий историч. очерк пятидесятилетия московской III гимназии (1839—1889), М., 1889, стр. 194.

² Об этом упоминают все биографии Видерта, указанные выше. См. также: Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. восьмой, М., 1900, стр. 18; «Историч. вестник», 1888, № 9, стр. 670 (некролог А. Ф. Видерта).

³ О своем участии в издании словаря Брокгауза сам Видерт сообщил много данных в своих письмах к Г. П. Данилевскому.

В литературе о Белинском уже обращено внимание на замечательную статью о великом русском критике, помещенную в брокгаузовском ежегоднике «Наше время» за 1857 г., пополнявшем новыми материалами последние издания его энциклопедического словаря. Автор этой статьи привел очень точные данные о жизни и деятельности Белинского и заявил себя убежденным и ревностным приверженцем его идей. Об участии Белинского в «Отечественных записках» в этой статье говорилось следующее: «Несмотря на строгую цензуру, Белинский, действуя со столь же большой смелостью, как искусством, способствовал распространению либеральных идей в своем отечестве; он избрал своим предметом сатирические произведения Гоголя и его школы, чтобы повести ожесточенную борьбу против социального зла, источник которого он указывал скрытым, но все же достаточно понятным для публики образом в деспотической форме правления и в отсутствии гуманных воззрений у правительства и среди народа».¹ и т. д.

По поводу этой статьи, резко выделяющейся по своему тону из всего, что было написано к этому времени о Белинском в зарубежной печати, А. Н. Дубовиков заметил: «Вопрос о том, кто мог быть автором статьи, позднее так радикально измененной редакцией словаря, в настоящее время не может быть разрешен. Но мы считаем возможным высказать предположение, что автором (или непосредственным вдохновителем ее) мог быть только русский литератор, хорошо осведомленный в русской литературной жизни и, несомненно, принадлежавший к числу убежденных последователей Белинского...» «Не исключена возможность, что статья была непосредственно написана одним из немецких критиков на основе информации, полученной им из русского источника».² Не подлежит никакому сомнению, что автором этой статьи был Видерт. Писана она была в конце 1856 г. и начале 1857 г., когда Видерт жил еще в Германии, поддерживая связи с различными немецкими издательствами и, прежде всего, с Брокгаузом, еще в 1852 г. гостеприимно открывшим ему двери своего кабинета и сделавшим его постоянным сотрудником своих изданий (см. выше цитаты из писем Видерта к Г. П. Данилевскому). Скрывать же свое авторство у Видерта было тем больше оснований, что в год выхода в свет книги «Unser Zeit» он возвращался в Россию и вступал на русскую службу.

Привычка и охота к литературной работе были у Видерта столь сильны, что, став младшим преподавателем немецкого языка в Московской гимназии, он не прекращал свою литера-

¹ Unser Zeit Jahrbuch zum Conversation's Lexicon, Bd. I, Leipzig, 1857, стр. 665—666.

² «Литературное наследство», 1950, т. 56, стр. 493—491.

турную деятельность несмотря на обилие своих служебных занятий, но зато резко изменил ее направленность. Если в годы своей жизни в Германии Видерт настойчиво, любовно и с немалым успехом пропагандировал русскую литературу, то, возвратившись оттуда и окончательно поселившись в России, он поставил перед собой обратную задачу — знакомить русских читателей с литературой немецкой. Особенно интенсивной была его деятельность в этом направлении в конце 50-х — начале 60-х годов, когда еще свежими были его впечатления как непосредственного участника немецкой литературной жизни.

Уже многочисленные корреспонденции Видерта из Лейпцига, Дрездена, Мюнхена и Берлина о новостях литературы и искусства в Германии, печатавшиеся в русских газетах, содержат в себе много разнородных и очень интересных данных о немецкой литературной и театральной жизни; многим из того, что рассказано в этой хронике немецкой умственной жизни 50-х годов, с пользой для себя сможет воспользоваться и современный историк немецкой литературы.

Не менее интересна и та серия статей Видерта о немецкой литературе, которую напечатал он после окончательного возвращения своего из Германии в московских и петербургских журналах — в «Отечественных записках», «Атенее», «Московском Обозрении». Все эти статьи, быстро следовавшие одна за другой в течение нескольких лет, написаны с прогрессивных позиций и излагают его цельную, продуманную, вполне сложившуюся систему воззрений на немецкое литературное развитие в прошлом и настоящем. Большая статья Видерта о Генрихе Гейне, начавшаяся печатанием вскоре после смерти поэта, является первой крупной оригинальной работой о поэте, появившейся на русском языке. Видерт называет Гейне родоначальником новой немецкой литературы, которая, по его словам, «совсем разошлась с древностью и обращала все более и более внимания на интересы и нужды своего времени»; убежденный враг романтизма, Видерт считает, что Гейне «нанес смертельный удар ребяческому направлению романтической школы» и ставит Гейне в заслугу, что «сочинения его служат современному обществу зеркалом».¹ Мыслью о том, что поэзия

¹ А. Видерт. Г. Гейне. «Отечественные записки», 1857, кн. 2, стр. 577—598, кн. 3, стр. 319—346; кн. 5, стр. 219—244; ему же принадлежит рецензия на «Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова», «Атеней», 1858, ч. IV, стр. 119—139. Об этих статьях см. М. Л. Тронская я. Гейне в оценке революционно-демократической критики. Ученые записки Ленинградского Гос. университета, 1952 № 158 (серия филолог. наук, вып. 17), стр. 389—390; А. В. Федоров. Русский Гейне. В сб. «Русская поэзия XIX века», Л., 1929, стр. 252—254. Видерт был инициатором переводов из Гейне А. Майкова; поэтому они посвящены Видерту, и первую их публикацию Майков снабдил следующим примечанием:

представляет собою род общественного служения, пронизаны также статьи Видерта о «последнем рыцаре романтизма» Эйхендорфе,¹ о Гейбеле² и Оскаре фон Редвице.³ Видерт горячо обличает Эйхендорфа, его «поэзию праздности и праздника», которая «заставляет тосковать по будням, по дурной погоде, по труду», потому что «отдых сладок только после труда, праздник и хорошая погода веселят только потому, что им предшествовали будни и ненастье». Для Видерта «привольнее всего дышется за работой, которая сама по себе, и без предстоящего отдыха, больше всего на свете удовлетворяет душу». Если статья Видерта о Гейбеле (напечатанная рядом с знаменитой статьей Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»), этом «безвреднейшем из поэтов», обладающем «искусной мерностью и рассудительной умеренностью» полна иронии, направленной против немецкого бюргерства и мешанства вообще, то в статье о Редвице, поэзию которого он называет «уничужденным и притворным чириканьем», Видерт горячо обрушивается на ультрареакционные тенденции эпигонов романтизма. Когда в 1858 г. в Москве вышла в свет компилятивная книга О. Шталя «Очерк истории немецкой литературы», Видерт тотчас же откликнулся на нее большой программной статьей, в которой он изложил свой взгляд на развитие немецкой литературы от средних веков до середины XIX в.⁴: мы находим здесь страстную пропаганду Лессинга, реформатора, «борца против всего безжизненного, мертвого, особенно против поклонения букве», зрелые суждения о Шиллере и Гете, те же нападки на романтическую школу и ее эпигонов, те же мысли о просветительных тенденциях в творчестве Гейне.

Одной из последних работ Видерта о немецкой литературе была его статья о Шиллере.⁵

Говоря однажды о существенных недостатках современной ему немецкой историко-литературной мысли, Видерт писал, что если немецкий историк решительно не в состоянии создать «эпическую картину того движения, в котором непосредственно принимает живейшее участие», то «это преимущество имеет

«Переводы эти сделаны мною по просьбе Видерта для его прекрасных статей о Гейне» («Библиотека для чтения» 1857, т. CXLII, отд. I, стр. 133).

¹ А. Видерт. Эйхендорф. Последний рыцарь романтизма. «Атеней», 1858, ч. IV, стр. 377—398.

² А. Видерт. Эмануил Гейбел. «Атеней», 1858, ч. III, стр. 90—107.

³ Оскар фон Редвиц. «Отечественные записки», 1859, т. CXXVII, № 11, обзор. иностр. литературы, стр. 28—50 (Подпись: В.).

⁴ «Московское обозрение», 1859, кн. II, стр. 168—233. Статья без подписи; на принадлежность ее перу А. Видерта указал К. Н. Бестужев-Рюмин.

⁵ А. Видерт. Шиллер. Биографический очерк. «Московские ведомости», 1859, №№ 258, 281, 285 и 301 и отд. брошюрой, М., 1860.

русский историк немецкой литературы». ¹ Действительно, Видерт имел ряд преимуществ перед своими немецкими коллегами-либералами; главное из них, однако, заключалось не в том, что он имел возможность наблюдать за борьбой их мнений со стороны, а в том, что он был воспитан на передовых идеях русской демократической критики, которые и давали ему верный критерий оценки всех явлений немецкой литературы, относительно которых он высказывал свое суждение.

О последних десятилетиях жизни Видерта мы знаем лишь то, что сообщают о нем его служебные формуляры. В январе 1864 г., покинув Москву, он был утвержден в должности лектора немецкого языка при Харьковском университете; в мае 1867 г., выдержав испытание, он получил звание кандидата историко-филологического факультета по отделу классических наук; в марте 1875 г. он был избран и утвержден лектором немецкого языка в Петербургском университете, а в следующем году преподавателем того же языка в Историко-филологическом институте. С апреля 1877 г. до конца жизни Видерт состоял членом ученого комитета Министерства народного просвещения. В последние годы он писал только критические разборы учебников. ²

¹ «Московское обозрение», 1859, кн. II, стр. 171.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета, т. I. СПб., 1896, стр. 153.